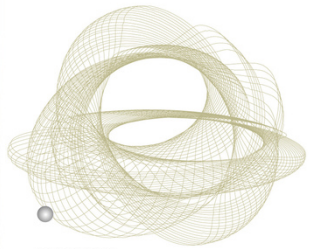
НИКОЛАЙ БАСОВ



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗАКОН ВОЕННОГО СЧАСТЬЯ

Николай Владленович Басов

Закон военного счастья

Серия «Мир Вечного Полдня», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122234
Закон военного счастья: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-01958-8

Аннотация

Люди, неведомыми путями попавшие в Мир Вечного Полдня, на внутреннюю поверхность Сферы Дайсона, вынуждены вести жестокую борьбу за свое существование с аборигенами этого чуждого мира. Человечеству приходится вступить в противоборство с птицелюдьми, а затем – с армадой озлобленных на людей воздушных пиратов…

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 32
Часть вторая 38
Глава 7 38
Глава 8 43
Глава 9 48
Глава 10 53
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Николай Басов
Закон военного счастья

Часть первая
Проигранная война

Глава 1

Весна должна была вот-вот кончиться. А может, уже и кончилась, Ростик не очень хорошо представлял себе, когда тут, в Водном мире, весна по-настоящему сменяется летом. По схеме, предложенной, кажется, тысячу лет назад, в первую осень после Переноса Боловска в Полдневье, стояло двадцатое мая. Если учесть, что недель в каждом месяце тут было три, завтра возникал последний день мая, а через тройку деньков – условного второго июня – можно будет отметить и день Переноса. Третью годовщину.

Ох-хо, сколько в этом было трудов – в том, чтобы живым и почти нормальным дойти до сегодняшнего дня, сколько смертей своих друзей и подчиненных он видел и сколько смертей еще увидит, прежде чем действительно эту дату сможет встретить…

Положение у них было скверным. Конечно, за три прошедших года бывало и похуже, но никогда еще так явно он не ощущал, что война проиграна, что самое лучшее, что они могут сделать, – удрать без оглядки. Вот только удирать не получается. И начальство не расположено, да и в самом деле – неясно, что дальше делать, если человечество не сумеет укрепиться тут, на краю безмерного, кажется, торфяника, не сумеет обеспечить себя хотя бы этим топливом.

Но торф – он и есть торф, а проигранная война – страшнее любого энергетического голода. Впрочем, это еще предстояло выяснить на совещании, которое торжественно затеял этот… Ростик мысленно выругался, но тут же взял себя в руки.

Его звали Веннеамин Лурьевич Каратаев, кстати, тот самый мужичок, которого им чуть было не навязали в начальники, еще когда они открыли Одессу. Плешивый, зачесывающий длинные боковые волосы поперек лысины, чтобы хоть немного прикрыть кожу на макушке, суетливый, с красноватыми крысиными глазками, пухленький, чрезмерно говорливый. У начальства в таком авторитете, что, когда было решено в начале прошлого лета устроить большую разведку тут, в восьмидесяти километрах от Перевала, и в сорока от каменной полки, отходящей от Олимпийской гряды, на единственной в округе скале, возвышающейся на десяток метров над безбрежными болотами, – его и сделали главным.

Да таким, что все уже через пару недель чуть не слезами рыдали… Но для начальства он оставался самым толковым руководителем. Ему приписывались все достижения, он, и только он якобы обеспечивал все победы, успехи и реальные результаты…

Стоп, подумал Ростик, глядя из бойницы крепости на Скале на болота, на цветущие откосы скального плато, на озера и лужицы, сверкающие ослепительным на солнце блеском под серым небом мира Вечного Полдня. Не стоит так раскисать, не нужно тратить из-за такой ерунды столько нервных клеток. И все-таки… Это была не такая уж и ерунда – это была проигранная война, он знал это, ощущал настолько реально, что мог лишь удивляться, почему этого не видят другие.

– Ты идешь? – раздался под гулкими сводами, построенными с использованием каменного литья Гошодов, голос старшины Квадратного.

Ростик оглянулся. Старшина в своих глухих доспехах, которые в последнее время почему-то перестал снимать даже в крепости, выглядел усталым. Не может быть, чтобы он не осознавал этого поражения, подумал Рост, а на совещании наверняка будет помалкивать. Будет отнекиваться тем, что он просто старшина, что стратегия – дело офицеров, то есть его, Ростика, и, конечно, черт их дери, руководителей.

– Как ты догадался, что я тут?

– Ты всегда, когда хочешь сосредоточиться, сюда уходишь. Уже месяца три, еще с зимы. Не замечал?

Ростик удивился, он в самом деле, когда дела пошли не очень хорошо, стал уединяться в этой галерее, но объяснял это отнюдь не тягой к раздумьям.

– Отсюда вид на болота изумительный, – пояснил он. – Так и хочется вырваться из крепости, расплескать тину, лужи. Подышать свежим воздухом. Видишь, вон на том островке сизо-красные разводы. Это цветут орхидеи.

Квадратный подошел и совсем не по-подчиненному пихнул под лопатку.

– Пойдем уж, будут тебе… орхидеи.

Они вышли из галереи, проложенной вдоль бойниц, спустились на второй этаж, где находились жилые и служебные помещения. Тут было безопасней всего, потому тут и разместилось начальство, потеснив лазарет, в котором пока было много пустых коек, общую солдатскую комнату и офицерскую караулку.

Начальство уже собралось. Ввиду сложности ситуации, все сидели с лицами, на которых читалось желание немедленно разрешить все проблемы человеческой цивилизации Полдневья. Главным был, конечно, Председатель – на серьезные совещания в крепость на Скале он еще прилетал, видимо, считал ее своим детищем. Был, разумеется, и Каратаев. Его как прислали в конце зимы, так он тут и сидел… Впрочем, об этом пока не будем, решил Рост. Была и Галя Бородина, сестра того самого парня, с которым Ростик осваивал Одессу два года назад, который был командиром добытчиков металла и которого за окладистую темную бороду прозвали Бородой. Сестру, в отличие от брата, не любили и кличку ей дали – Бородавка. Ростик не знал, прижилось ли прозвище, но про себя пользовался им частенько.

Галина была той еще штучкой – сердитой, остренькой на язык, неумной. Но с хваткой и апломбом. К счастью, сегодня ее можно было в расчет не брать.

Вот так, вот и все, тоскливо подумал Ростик. Эти три человека и примут решение, которое придется исполнять ему и его ребятам. Мало, очень мало. И глупо – эти люди не понимали, что тут происходит, и способны исказить ситуацию так, что решение будет неправильным. А неправильные решения тут, в Полдневье, искупаются кровью, только кровью.

– Рассаживайтесь, товарищи, – предложил Рымолов, не вставая. – Давайте начнем, в самом деле, я хотел еще сегодня отбыть на Перевал, а значит, решение наконец должно быть принято. – Он со значением посмотрел на Ростика.

– Думаю, Арсеньич, мы его и примем, – медленно проговорила Галя. Она всегда говорила очень медленно. Ростик подозревал, что не по медленности мышления, а просто для того, чтобы ее реже спрашивали. Если так, она своей цели добилась, к ней обращались лишь в исключительных случаях.

– Тогда, Гринев, слушаем твой доклад как коменданта крепости.

Ростик еще не знал, как именно донести до руководства свою тревогу. Поэтому на всякий случай спросил:

– Конкретно или с пониманием всей военной ситуации в целом?

– В целом, – упредил начальство Каратаев.

– Тогда так. – Ростик быстро посмотрел на стену, где стилом по воску были нарисованы окрестности, но решил изображением не пользоваться. – Когда в начале прошлого лета мы

нашли эту скалу и невероятно большие запасы чистого, очень сухого по местным меркам торфа, было принято решение строить тут крепость.

– Не надо от начала времен, – нахмурился Рымолов. – Мы знаем, что было прежде.

– Нет, Арсеньич, полагаю, что ошибка была сделана тогда, и, чтобы ее не повторять, я лучше проговорю ситуацию с «начала времен». – Он подождал, новых протестов не было. – Тогда, как известно, были предложены две тактики нашего поведения. Первая, которую предложил я, – создание летучих групп, которые режут торф то тут, то там, в разных местах, охраняемые довольно сильными, подвижными отрядами. Это не позволяло бы пернатым бегимлеси создать перевес сил, потому что им для маневра требовалось бы время и мы бы уходили от решающего столкновения. Вместе с тем это обеспечивало бы нас топливом, потому что на самом деле торфяников тут – едва ли не сорок процентов территории, есть где развернуться и где нарезать его даже не тысячами – миллионами тонн, в таком количестве, что главной была бы не проблема заготовки, а проблема транспортировки его к Перевалу.

– И все-таки ближе к делу, – высказался Рымолов. – Вторая тактика заключалась в традиционном усилении именно тут, на Скале, строительстве мощной крепости и удержании ее силами до двух рот. Разумеется, охрана работающих на торфяниках бакумуров, вывоз топлива по стационарной, единственной тут дороге – широким крюком, с заходом на восток и последующим возвращением по каменному подножию гряды на запад, к Перевалу. Обходится это не очень дешево, но с тех пор, как грузовики были переоборудованы под спиртовое топливо, я постоянно слышал заверения, что с транспортом проблем не будет. Зимой, то есть более полугода после нашего тут обустройства, оказалось, что транспорт не обеспечивает вывоз торфа по одной простой причине – пернатые знают путь, которым ходят машины, потому что он единственный, и устраивают засады на караваны.

– Мне говорили военные аналитики, – веско высказалась Галина, – что, даже если бы мы использовали летучие отряды, пернатые все равно могли бы перехватывать грузовики с торфом, только ближе к Перевалу. Потому что Перевал – единственный из известных нам проходов через Олимпийскую гряду.

– У Перевала нашему гарнизону из крепости было бы легче справляться с любыми отрядами пернатых просто потому, что он ближе к главной базе. А сейчас, когда нападения могут совершаться по всему маршруту, нам приходится держать при караване такие дополнительные силы, что… Что транспортировка становится бессмысленной – мы не столько торф возим, сколько охрану. – Ростик посмотрел на Рымолова, тот сидел с неподвижным лицом. Но был еще спокоен. – Такой ситуация была пару недель назад. Сейчас, я утверждаю со всей ответственностью, мы столкнулись с ее качественным изменением. Потому что пернатые подтянули силы и готовят длительную осаду нашей крепости. И, безусловно, возьмут ее.

– Откуда такая уверенность? – спросил Каратаев. – Откуда вообще, Гринев, у тебя такие категоричные мнения? Ситуация, как ты говоришь, еще не созрела, еще даже не определилась, а ты…

– Я умею прогнозировать, – сказал Ростик. О том, что он умеет не только прогнозировать, но и предсказывать будущее едва ли не мистическим способом, лучше было не заикаться. Сейчас это могло только помешать.

– И что же нам делать? – спросил Рымолов. Он понял, что имел в виду Ростик, он один из немногих, кто верил в его дар и даже не раз планировал масштабные действия, используя Ростиковы прозрения.

– Они не дадут нам больше резать торф, потому что считают эту территорию своей. И чтобы они перестали так считать, ее нужно завоевать. – Ростик помолчал. – Перспектива большой войны меня не радует. И не потому, что мы к ней не готовы, а потому… В общем, все дело в маневренности. Раньше, когда болота стояли подмороженными, это было не так

заметно. Теперь, с наступлением лета, когда болота развезло, выяснилось – без транспорта, надежного и, желательно, более быстрого, чем бегающие по трясине пернатые, сражаться с ними не следует. Мы потерпим поражение, и оно будет сокрушительным.

– Арсеньич, – взорвался Каратаев, – ты меня избавь от этой глупости. Ну, сам посмотри – они пернатые, у них один арбалет на десять бойцов, одно ружье на сорок, а то и больше вояк. А у нас тут стены в два метра толщиной, три этажа, сверху турельные установки против этих… летающих страусов. Что они могут нам сделать?

– Они что-нибудь придумают, – ответил вдруг старшина Квадратный.

– Нет, – покачал головой Ростик, – они уже что-то знают, что способно нас отсюда выкурить, как сурков из норы.

– Они дикие, что они могут знать? – делано удивилась Галя.

И Ростик, и Квадратный промолчали. Не зная деталей, на этот вопрос ответить было невозможно. Рост даже мельком подумал – а так ли она глупа, как хочет выглядеть? Уж очень ловко она подыгрывает Каратаеву, куда лучше, чем хотелось бы.

– Сколько в крепости солдат? – спросил Рымолов.

– Восемьдесят, считая нас, – тут же отозвался Квадратный. – Четырнадцать из них девушки.

– Дети?

– Детей пока нет, – ворчливо отозвался Ростик. – Еще чего – детей тут держать. В крепости на Перевале их было бы опасно держать, а тут – вообще недопустимо.

– Бакумуры?

– Около сотни, – отозвался старшина. – По полста душ в каждую рабочую смену. Командиров у них тоже двое, пока ведут себя послушно.

– Верят они нам, – отозвался Каратаев, будто это была его заслуга. – Дети у них есть?

– Конечно, – признал Ростик. – Почти два десятка волосатых детишек. И женщин больше половины. Когда вербовали диких бакумуров работать тут, то женщины первые шли – они у волосатиков падки на постоянный паек. – Он подумал и не смог справиться с собой, добавил с горечью: – Они рассчитывали на безопасность, а вместо этого мы…

– Сколько у нас тут продуктов? – Рымолов посмотрел на Ростика почти с жалостью. – Обмундирование, боеприпасы?

– Кормиться мы можем хоть до следующей зимы, – тут же высказался Каратаев. – А боеприпасов хватит на большую оборону.

– Впрочем, – прервал его жестом Рымолов, – это не проблема. Прижмут, будем на гравилетах подвозить. Сотню волосатиков и три взвода солдат уж как-нибудь обеспечить сможем.

– Это значит?.. – с надеждой спросил Каратаев.

– Это значит, – торжественно выговорил Председатель Рымолов, – мы остаемся. И даже если они не дадут нам пока резать и отправлять на нашу территорию торф, будем ждать, пока они ослабят давление. Нужно будет, станем резать его только зимой, а летом будем сидеть в осаде. – Он заметил выражение лица у Ростика и уже не в приказном, а в увещевательном тоне добавил: – Ты пойми, нам без топлива нельзя, мы уже не сможем остановить ни наши технологии, ни отопление зимой… Дрова взять у дваров мы не можем, вот и приходится выходить из положения торфом.

Слова его звучали безупречно. Но это была ошибка, та самая, которой боялся Ростик.

– Они нас обложат, собственно, уже обкладывают, и все люди, которых вы тут, Арсеньич, видите, очень скоро будут мертвы. Вот альтернатива вашему якобы взвешенному и разумному решению. А заготавливать торф тут все равно не удастся. И люди погибнут зря.

– Это не факт, – произнесла Галя и посмотрела на Ростика.

– Интересно, потом, когда все кончится не в нашу пользу, как ты будешь по ночам спать? – спросил ее Ростик. – Кошмаров не боишься?

– Стоп, – хлопнул по столу Рымолов. – Этого ты не говорил. – Подумал, посмотрел на Квадратного, на Каратаева. – Но с их накоплением на окрестных болотах что-то нужно делать.

– Нужно послать разведку, – тут же отозвался Каратаев. – Пусть Квадратный сходит, выяснит, может, все не так драматично, как нам тут Гринев рассказывает? Может, их вообще пара сотен, практически без оружия, с одними пращами?

– Пращи в руках пернатых – тоже оружие, – нехотя промямлил Квадратный.

– В «руках», – фыркнула Галя. – Еще скажи, что ты их боишься.

– Боюсь, – легко согласился старшина. – Потому что знаю, как хрупки мои кости, как медленна реакция, как слабы мускулы. Боюсь, потому что дрался с ними.

– Но ведь победил? – ответила Галя, она считала, что парировала реплику Квадратного.

– По-моему, все ясно, – решил высказаться Каратаев. – Старшина, бери двадцать человек, вооружай их как хочешь и отправляйся на разведку.

– Двадцать? – удивился Ростик.

– Мало двадцати, пусть возьмет сорок.

– Я против… – начал было Рост, но его уже не слушали.

– Отправить на разведку гравилет мы все равно не можем, – отозвался Каратаев. – Нет у нас сейчас свободного гравилета. Да вы сами говорили, что воздушная разведка тут мало что дает – они слишком хорошо умеют маскироваться.

– Да, – решил наконец Председатель. – Квадратный, готовь разведку. И гоните доклад гелиографом в Перевальскую крепость.

– Тогда уж я сам… – попытался Ростик.

– Ты не веришь в успех, – покачал головой Каратаев. – И кто-то должен остаться тут. А кто, спрашивается, если не командир гарнизона?

К сожалению, все в самом деле было решено. Как Ростик и подозревал, эти люди направили его подчиненных к гибели кратчайшим путем.

Глава 2

Ростик еще не привык к этому – обязанности ждать тех, кто ушел на разведку, скорее всего в бой. Он еще не научился понимать неизбежность этого, все еще винил себя за то, что остается в безопасности, когда другие рискуют жизнями. А может, причиной его нервозности было стойкое убеждение, что он все сделал бы лучше – и точнее прошел бы по намеченному маршруту, и меры безопасности принял бы более здраво, и заметил бы во время разведки больше деталей.

Хотя сделать что-то лучше Квадратного – это, что ни говори, было в высшей степени сомнительно. Старшина вообще стал первоклассным бойцом, какого поискать – и не только среди людей.

Значит, нужно просто ждать. Иногда можно подходить к карте – сделанной на глухой стенке в виде большой восковой таблицы, куда по распоряжению Ростика все разведчики заносили ориентиры, данные о новых залежах торфа, местах его разработки. А впрочем, очень большим разнообразием эта карта не отличалась – торф тут был везде, слоем не меньше трех-четырех метров, иногда больше десяти, хотя совсем глубоко они не копали – поднималась вода. Равнина и болотины, иногда даже с трясиной, тоже простирались на все четыре стороны света. И все-таки карта помогала в таких случаях, как сейчас.

Ростик посмотрел на нее, отметил точку километрах в двадцати – тут, по предварительному согласованию, должна состояться первая ночевка группы. С того места, где стояла крепость на Скале, все чаще в неофициальных разговорах называемая Пентагоном, за сходство общего плана с американским военным ведомством, их место должно было просматриваться. Но к вечеру этого дня, последнего дня мая, над лужами и протоками Водяного мира поднялся какой-то ехидный туман. И Рост сомневался, что его сумеют «пробить» даже сигнальные ракеты.

Гулко затопали шаги по коридору. Рост обернулся. В свете пары масляных плошек, которые заменяли в этой лишенной естественного света комнате слишком чадящие факелы, появился Каратаев. За ним, как на привязи, шел мужичок, неизвестно кем прозванный Герундием. Тип это был интересный – массивный, но довольно быстрый, трусоватый, но иногда забирающийся в такие места, куда без опаски даже Квадратный не решался ходить. Говорили, что он бывший милиционер, за что-то уволенный, потом ставший кем-то вроде подпевалы Каратаева, его адъютантом, денщиком, а иногда и телохранителем. Вернее, воображаемым телохранителем, потому что, по мнению Ростика, встреча с какой-нибудь бакумурской мамашей, окруженной выводком волосатеньких детей, не грозила немедленной смертью, но уж Герундий изображал из себя героя на полную катушку – выпячивал грудь, загораживал своего начальника, который был ниже его на двадцать сантиметров, и не выпускал из рук двух наганов, кобуры к которым носил на поясе спереди, как немец.

– От старшины донесений не поступало? – спросил Каратаев и сел за стол, величественно и как бы устало протерев кулаком подбородок.

– Ты же знаешь, что нет, – ответил Рост. Он подумал, что в комнате сразу стало труднее дышать, но уйти вот так, едва эти двое вошли, значило бы продемонстрировать неуважение. А впрочем… – Ладно, вы тут посидите, а я наверх схожу, попробую высмотреть что-нибудь в тумане.

Он поднялся сначала на любимую южную галерею. Она шла вдоль самой короткой стены крепости – ее длина составляла всего-то метров двадцать. Две других были чуть не в сорок метров, а еще две около тридцати. И в самом деле, подумал Рост, наверное, сверху похоже на неравносторонний Пентагон.

Но он тут же забыл об этом. Достал бинокль, протер краем рукава большие линзы, приспособил прибор к глазам. Нет, ничего – туман и темень. И все-таки он смотрел, смотрел и почему-то считал участившийся пульс. Тут, в Полдневье, у многих появилась привычка незаметно, но очень точно отсчитывать короткие промежутки времени. Кто-то умел, не задумываясь, определять время до десяти минут, кто-то до часа. Хотя на протяжении дня все равно все путались. Ростик иногда ошибался в наступлении ночи часа на два – кошмар для командира.

Вдруг в чернильно-мутной тьме он различил легкое, едва заметное дрожание света, которое сразу же погасло. Он сжал бинокль так, что у него заболела старая рана на руке. Потом приказал себе успокоиться, поднялся на главную смотровую башенку, устроенную на самой высокой точке крепости, где сходились все пять неодинаковых скатов крыши, сложенных из каменных плит. Здесь всегда дежурили трое-четверо наблюдателей. В темноте их было не очень хорошо видно.

– Кто тут? – спросил Ростик.

– Ефрейтор Михайлова и рядовой Михайлов, – доложила девушка, видимо, старшая не только по званию, но и по возрасту.

Так, женатики. Воспользовались уединением, что в крепости – редчайшая возможность, и я их спугнул. А впрочем – не дело. На посту нужно смотреть, слушать, наблюдать и думать. А не… Если бы тут была Любаня, ты бы знал, как поступить, подумал про себя Ростик. Но у тебя есть своя спальня, а у этих ребят только казарма.

– Где остальные?

– По моему распоряжению спустились вниз, за кипятком. Время уже к ужину.

– То, что следите за ужином, – нормально, ефрейтор. А то, что не наблюдаете за высланной разведкой, – очень плохо.

– Так ведь туман, товарищ командир, – отозвался парень. Так и есть, всего-то лет шестнадцать, еще голос не сломался до конца, а уже… Ох и плохо с ребятами, если до такого дошло.

– В туман-то и нужно смотреть, рядовой. К тому же – они сейчас жизнью рискуют. Понимаете?

– Мы тоже, – выдохнула девушка. В этом чувствовалась и усталость от бессмысленной, по ее понятиям, службы, и такое явное раздражение на командира, который явился не вовремя.

– Не дай бог, девушка, чтобы я тебе напомнил эти слова, – отозвался Ростик.

– Свет! – отозвался парень.

Теперь стало видно лучше – в том месте, где должна была находиться ночевка, горела осветительная ракета. Самое паршивое, что она была красная – уж цвет-то туман скрыть не мог. А красная, как всегда, была сигналом тревоги.

Ростик опустил голову. Потом поднял и заставил себя смотреть туда, где кипел бой. Теперь это не вызывало сомнения, слишком явственно вспыхивали лучи слитного огня лазерных ружей. И слишком часто на их фоне повторялись вспышки «сорвавшихся», как иногда говорили, выстрелов, когда лазерный шнур по непонятной причине разрывался всего лишь в полусотне метров от стрелка, как шаровая молния, как цветок очень жаркого огня.

– Как же так, – отозвалась девушка. – У них же были бакумуры, мы специально им десять волосатиков придали, чтобы…

– Чтобы что? – спросил Рост. Но ответа не дождался. – Без волосатиков их бы наверняка в ножи взяли. А так – они еще сопротивляются.

– До утра выстоят? – спросил парень.

– Не знаю, – отозвался Ростик. – Все зависит, сколько там пернатых и насколько решительно они навалились.

Но он уже знал, что их очень много, и навалились они зло – вспышки слились в общее зарево, без причины ребята так палить не будут.

– Может, ударить оставшимися силами? – спросила девушка. – Этим в тыл?

– Я думаю, они того и ждут, – печально произнес Рост. Теперь он знал, что все было ошибкой – и разведка с ночевкой в двадцати километрах от главной базы, и разъединение сил, и отсылка последнего гравилета с Рымоловым и сопровождавшей его девицей.

А еще он знал, что теперь не уснет. И ведь понимает, что ничего поделать нельзя, а будет сидеть тут и таращиться в темноту до самого утра.

– Так что же, мы будем тут, а они…

– Да, они будут умирать там, а мы останемся здесь, – жестче, чем хотелось, отозвался Ростик. – Это и есть война. А теперь помолчим. И усилить круговое наблюдение, я не хочу, чтобы пернатые и нас захватили на арапа.

Они не захватят. Крепость глухая, зашитая, как каменный мешок. Когда закрываются ворота, единственная возможность попасть внутрь – взобраться по стенам на крышу и попытаться пробиться к этой башенке, где они сейчас находились. Но взобраться сложно, стены сделаны с отрицательным наклоном, небольшим, но лестница, если она не до верха, будет бесполезна. На галереях через узкие бойницы и подавно не пролезть – там не всякая крыса сумеет просунуться, не то что пернатый, а вот выстрел в упор из них получить можно… Даже гравилеты садятся тут перед воротами, а потом их заводят внутрь на малой высоте.

Нет, на крепость они нападать не будут, для нас они придумали что-то другое, еще раз вздохнул Ростик. Мельком он вспомнил вчерашнее, с позволения сказать, совещание и тут же поскорее о нем забыл. А потом постарался вообще ни о чем не думать. Лишь смотрел во тьму, прислушивался к перекличкам часовых на галереях и считал время до рассвета.

Прошел примерно час после первой атаки, огонь затих. Часа через три он возобновился, уже чуть ближе. Но звуки по-прежнему не проходили в этой серой водяной взвеси. Это приближение немного обнадеживало, но не слишком. Ростик понимал, что к крепости не пробьется ни один из людей Квадратного. Не сможет пробиться, это просто не в человеческих силах… И подпускают их чуть ближе лишь для того, чтобы – чего на свете не бывает? – выманить из крепости спасательную вылазку и убить еще больше людей.

Незадолго перед рассветом пальба вспыхнула еще раз. Уже совсем близко, километрах в трех, примерно там, где обычно рабочие бакумуры резали торф. Там находилась очень хорошая – просторная и сухая – гряда торфяных валов до пяти метров высотой. Работать было легко и относительно безопасно – крепость-то рядом. Три километра по местным масштабам – плевое дело, двадцать минут бега даже в доспехах.

Теперь из тумана стали доноситься сухие, очень тихие выстрелы из лазерных пушек. Значит, ружьям они дают остыть, или у них патронов осталось в обрез, или… Это была самая паршивая идея – у старшины уже не осталось людей, которые управляются с ружьями.

– Михайлова, сколько они взяли пушек?

– Четыре, по одной на отделение, – отозвался мужской голос.

Ростик оглянулся, так, теперь тут стояли и те двое наблюдателей, которых он сначала не застал, которые якобы ходили за кипятком, хотя не должны были этого делать. Может, вклеить им? Нет, сейчас я сорвусь на бессмысленную ругань, подумал Рост. Да они и сами, наверное, все понимают. Все-таки он не удержался.

– Как фамилия?

– Старший ефрейтор… – пробормотал фамилию так, что не разобрать. Стыдно.

– Плохо служишь, старший ефрейтор. Пост оставил и дурачком прикидываешься.

Молчание. Ну и хорошо. Так даже лучше.

Потом, когда глаза уже наполнились глубокой, гнездящейся под черепом болью от перенапряжения, включилось Солнце. Ростик встал.

– Гарнизон, в ружье! Михайлова, собрать одно отделение перед воротами через десять минут.

– Есть.

Но сделать что-либо они не успели. Старший ефрейтор, который испугался назвать свою фамилию, вдруг прошептал:

– Командир, смотрите!

На залитом солнцем отвесном торфяном склоне, поднимающемся к Скале, на которой стояла крепость, виднелась единственная качающаяся фигура. В доспехах, на которых были видны потеки грязи, какой-то светлой глины и копоти. Или крови… Из-за спины этой фигуры торчал ствол автомата, обычного русского автомата, но в руках человек нес пушку пурпурных – довольно мощное оружие, способное в умелых руках творить чудеса.

– Всем постам! – заголосил Ростик, сбиваясь чуть не на фальцет. – Прикрывать! Пять человек – за мной!

Он не знал, откуда возникнут эти пять человек, ребятам, которых он решил не будить до рассвета, формально можно было оставаться в казармах… Но он не ошибся. К рассвету никто в крепости уже не спал, и, когда он слетел по лестнице, когда добежал до ворот, на ходу жестом приказывая здешнему постовому открыть узенькую боковую калитку, около него уже были какие-то люди. И даже больше пяти.

Они бежали навстречу этой шатающейся фигуре, и еще сотни за три метров до нее Ростик понял, что это старшина Квадратный. Парень, который из всей команды разведчиков только и мог дойти.

Потом откуда-то сбоку появились пернатые, его солдатики присели, открыли огонь, но он даже не затормозил. Пришлось им гнаться за своим командиром и стрелять на ходу. Впрочем, даже этот неприцельный, беспорядочный огонь оказал помощь – пернатых было не слишком много, и они рассеялись. Некоторые даже отступили.

Квадратный, увидев Ростика, бессильно улыбнулся – он был без шлема, из сплошного стального каркаса только и торчали, что голова да руки. Он что-то прошептал пересохшими губами и за сотню метров до Ростика свалился головой вперед, даже не согнувшись в поясе, словно марионетка, у которой разом оборвались все нити.

Рост подхватил его, попробовал поднять на плечо… Поднять-то он сумел, а бежать назад уже не мог. Хотя бежать было необходимо, потому что пернатых стало больше и они стали наглее. Пара пращников уже приблизилась шагов на сто пятьдесят – начальную для их стрельбы дистанцию.

– Командир, лучше мы его понесем, – вдруг проговорил один из солдатиков рядом. Оказалось, что старшину уже несут трое ребят из крепости, а на плече Ростика ничего нет. Он оглянулся, пушка старшины лежала на траве, похожей на вереск – на сухих торфяных полянах она забивала всякую другую растительность. Рост подхватил ее, и от живота полоснул в сторону пернатых. Два раза он промазал, но один раз точно попал – от бегимлеси даже перья полетели.

Когда до крепости оставалось метров сто, пернатые вдруг попытались пойти в атаку, но встречный огонь со стен Пентагона, чуть не изо всех бойниц, заставил их отойти. Пара пернатых осталась на траве, один из них голосил высоким пронзительным голосом. Потом из крепости прозвучал единственный выстрел из карабина, и раненый бегимлеси смолк, как ножом отрезало.

Они оказались внутри, калитку, вырезанную в воротах, закрыли, застегнули на каменные скрепы, и другие, не такие запыхавшиеся солдатики понесли старшину в лазарет. Тут уже горели факелы. Фельдшерица, фамилию которой Ростик никак не мог запомнить, уже кипятила в большом закопченном стерилизаторе инструменты.

Пока старшину вынимали, как из скорлупы, из залитых потом и кровью доспехов, он оставался в сознании. И в его глазах еще полыхал огонь боя. Того самого, в котором, кстати, он потерпел поражение.

– Рост, – заговорил он вдруг неестественно быстрым, очень громким шепотом, – я не виноват. Я пытался, но пернатых было много… – Он закашлялся, в уголке его губ появилась кровавая пена. – Я терял одного за другим, одного за другим. Всех своих, все пятьдесят… Только я прошел. – Он вздохнул, попытался проглотить спазм, сжимающий горло.

Пятьдесят, подумал Ростик, значит, волосатиков тоже считает.

– Ты лежи спокойно, сейчас тебе операцию сделают, – отозвался Ростик. – Теперь все будет в порядке.

– Дошел, – старшина был печален. – Теперь буду жить.

– Судьба, – отозвался Ростик. – Вернее, твое счастье.

– Счастье? – переспросил его Квадратный. – Военное счастье… – И снова лихорадочно, как в полуосознанном бреду: – Бывает военное счастье – устроил засаду, а туда целый батальон пернатых попал. А бывает – просто дошел. Все погибли, а ты… – Он снова закашлялся. – Понимаю. Только я не просил.

Его наконец освободили от железок. Фельдшер кончила мыть руки в углу и повернулась к каменному операционному столу.

– Лучше бы у меня не было этого счастья.

– Зачем ты так? – спросил Ростик. – Поправишься, наваляешь этим пернатым – своих не узнают. Вместе наваляем.

– Наваляем, – старшина попробовал улыбнуться. – А знаешь, есть закон этого военного счастья, черт бы его… Знаешь закон?

– Хватит с законами, – резко отозвалась фельдшер. – Ребята, добавьте света, как только сможете. Видите, мне его по кусочкам склеивать придется.

– Закон прост, – все еще говорил Квадратный, каким-то неестественным, судорожным усилием пытаясь улыбнуться. – Делай что должен, и будь что будет… Понимаешь, Ростик, делай что должен.

– Я понимаю. – Рост сжал его руку. Потом вдруг осознал, что ему кто-то протягивает алюминиевую, сделанную еще на Земле кружку с разведенным спиртом. Его было столько, что можно было свалить с ног двара. – На, выпей, вместо анестезии будет.

– Да я уже и так ничего не чувствую.

– Выпей. Тебя долго будут штопать. Так все-таки полегче.

Но выпить старшина уже не смог. Он просто потерял сознание, словно кто-то задул фитилек масляного светильничка.

Глава 3

Через несколько дней стало ясно, что Квадратный выживет. Фельдшерица – старая, какая-то прокуренная, хотя она почти и не курила, тетка – сиплым голосом объявила Ростику, что такой живучести она еще не видела. В ее голосе даже звучало что-то вроде осуждения, словно она досадовала, что старшина опроверг одно из ее самых выношенных и лелеемых представлений о мире.

А через неделю Ростик застал его бодрствующим, когда зашел в лазарет поутру. Квадратный лежал на каменной кровати с высоко поднятой подушкой и сосал через резиновый медицинский катетер какую-то жидкость из стоящей рядом кружки. Напротив него пристроилась одна из солдатских девушек и смотрела на него так умильно, словно собиралась съесть, как только он прикончит свой завтрак.

Рост вздохнул. Ему не нравилось, что он командует каким-то амурным табором, а не гарнизоном, но ничего поделать с этим было уже невозможно. А может, так и должно было выйти, вот только… Не во время поражений и обязательных, неизбежных потерь.

– Ты как? – спросил он старшину.

Тот не ответил, лишь бледно улыбнулся и движением ресниц указал девушке на трубку. Та быстренько убрала устройство и даже отставила его подальше, словно Ростик мог одним махом осушить с такой любовью и старанием сваренный бульон.

– Я пока приказал на работу никого не выводить. Сидим, ждем. – Он подумал. – Чего ждем? Может, ты объяснишь, разведчик?

– Жди, – через силу прошептал старшина. Больше он ничего добавлять не стал. Наверное, просто не мог.

– Тебе-то здорово, – решил делано позлиться Ростик, – лежишь в теплой кроватке, на девушек любуешься… А мне – жди. Хорошенькое дело! А если они отошли?

– Нет.

Ростик вздохнул. Покосился на девицу, которая чуть было не стала защищать старшину от упреков, но все-таки сдержалась. Хорошей женой ему будет, решил Рост, раз понимает. Вот только бы дожила… До чего? Он не знал. Но это было важно – дожить. Собственно, это было единственное ценное тут качество.

– Как ты позволил так себя атаковать? – спросил он. – Ведь небось для того и посылали, чтобы…

– У них кожаные чулки с перепонками. Они ставят ногу в болотину и проваливаются сантиметров на пять, не больше.

– Но ведь у вас тоже были мокроступы, – вдруг раздалось от двери. Это Каратаев, узнав, что Рост у старшины, решил получить свою толику информации.

– Наши мокроступы, если уж провалились, то хрен вытащишь, – отозвался Квадратный.

– Ходить в них нужно уметь, – решил Каратаев. Он повернулся к Ростику. – Я считаю, следует провести тренировки для всех солдат и для некоторых волосатиков, которые участвуют в дальних походах по неосвоенным болотам.

– Ходить мы можем, – подал слабый голос с постели старшина, – мы бегать не можем. А в бою не побежишь, считай – кончен.

– Бегать? – удивился Каратаев. – От кого?

– Не от кого, а куда? – поправил его Рост. И сам же ответил: – Всюду. И довольно быстро.

– Понимаешь, – вдруг решил объяснить Квадратный, – из-за этих проваленных в трясину мокроступов я едва ли не треть отряда потерял. Уж лучше бы мы шли в сапогах.

– Пернатые не проваливаются, а вы – проваливаетесь? Удивительно! – воскликнул Каратаев.

– Даже провалившись, они вытаскивают ногу, сложив ее, словно веер, грязь и не держит ее, соскальзывает. А нашу плетеную галошу пока боком поставишь, пока упрешься покрепче…

– Ясно, – кивнул Рост. – По тактике что?

– У них возможность двигаться. Они сталкивают тебя немного в трясину, а потом подскочат – долбанут. Пока ты за ними погонишься, они успеют выйти из зоны огня. Передохнуть не успел – снова пытаются столкнуть… – Квадратный даже руку вытащил из-под одеяла, чтобы удержать Ростика, хотя тот и не собирался уходить, не выслушав друга. – Пока мы не научимся перемещаться по болотам быстрее или хотя бы маневрировать, как они, мы их не победим. Уж очень много тут трясин.

– Это что такое?! – снова голос от двери, на этот раз фельдшерицы. Рост разозлился.

– Ну-ка, давайте без этих ваших начальственных медицинских окриков! Мы тут не о девочках разговариваем.

Но фельдшерицу его отповедь не смутила, она подошла к старшине и быстро, чуть не в одно касание проверила пульс.

– Так, Гринев. Или вы уходите, или я снимаю с себя всякую ответственность.

Рост пожал плечами.

– Снимай, фельдшер. Медику, который так легко отпихивает от себя ответственность, она и не нужна. – Он повернулся к Квадратному. – Ты не волнуйся. Что еще там было важного?

– В общем, больше ничего, – старшина подумал. – Нет, вот еще… Они не боятся рукопашной, но связывать дракой не умеют. Бывало, четверо навалятся, а на самом деле дерется один, остальные своей очереди ждут – смотрят.

Это было важно, хотя Рост еще не знал, когда и как использует это знание.

– Как тогда, когда ты их предводителю шею сломал?

– Тогда был поединок, а тут война… И все равно, дерется почти всегда один.

Голос старшины слабел. Словно Квадратный уходил куда-то вдаль, хотя на самом деле оставался на месте, в кровати перед Ростом.

– Все, Гринев, – снова принялась воевать фельдшерица. – Ругаетесь вы хорошо, решительно, но я в самом деле больше не могу вам позволить… его мучить.

– Ладно, уходим. – Он стал поворачиваться, как вдруг Квадратный снова схватил его за руку.

– Рост, ты мои доспехи сбереги. Не дай растащить, я три комплекта поменял, пока этих добился. Сбереги, хорошо?

– Ты главное – поправляйся. А доспехи – попытаюсь сберечь. Со своими рядом буду держать.

Они вышли с Каратаевым. В коридоре оказался и Герундий, который держал небольшой факел. С таким факелом ходил по темным коридорам крепости только Каратаев. Остальные перемещались в темноте или, если было необходимо, носили тоненькие, экономные лучины.

– Я так и не понял, почему мокроступы ему не нравятся? – начал было «начальственный» разговор Каратаев, но откуда-то сверху послышались быстрые шаги.

И Рост сразу понял, что нужно спешить в ту сторону. Он и поспешил, не успев ответить. Это был Михайлов. При свете дня его конопатую до невозможности рожу украшали еще и подростковые прыщики.

– Что случилось?

– Пернатые вокруг крепости. Много.

Михайлова послали с верхней наблюдательной башенки, и сделали это по инструкции – уж очень здорово изменилась обстановка. Собственно, она изменилась кардинально.

Когда Рост поднялся и стал осматриваться, везде, куда бы он ни поворачивал голову, он видел только пернатых в боевой раскраске. Они стояли на окрестных болотинах, лужках, камнях и торфяных проплешинах, потрясали в воздухе оружием и что-то скандировали. К сожалению, их гомон сливался в однотонный звук. Больше всего это напоминало звук «у», который произносили экспрессивно и протяжно, агрессивно и со значением.

– Чего это они? – поинтересовался Каратаев.

Герундий вдруг произнес:

– Тысячи три… Я имею в виду, их тут собралось.

Рост прикинул на глазок пернатые полчища.

– Тысяч пять, а может, больше.

– Пять шестьсот, – с заметным одобрением отозвалась младший ефрейтор Михайлова, появившись сбоку.

– И все равно, – заговорил Каратаев. – Что они нам сделают? Пойдут в атаку – так мы из них торфу наделаем.

Он рассмеялся. Но Ростик знал, что все это непросто. Он посмотрел на Каратаева даже с каким-то сожалением, словно ему вдруг открылось, что тот никогда по-настоящему уже не научится понимать этот мир.

– Они не пойдут. Они сделают что-то такое, чего мы не ожидаем.

– Что? – Каратаев поперхнулся своим смехом. – Что они сделают?

Но Рост не ответил, он ушел, попросив звать его, если ситуация изменится. Но ситуация изменилась не сразу. Все войско пернатых, окруживших крепость, присело на траву, устроилось в тени щитов, надетых на копья, самые наглые даже попробовали кидать в крепость камни, но когда некоторых из них уложили стрелки со своих постов, тоже угомонились. И вдруг под вечер за Ростиком пришли.

Он сидел в своей комнате и занимался давно обещанным себе делом – проверял по ведомостям, что у него хранилось на складах. Едва он дошел до раздела тачек – кстати, отменной конструкции, на широких дюралевых колесах с четырьмя спицами, с дюралевыми же корытцами миллиметровой толщины, с длинными ручками из кипарисовых палок, – как появилась Михайлова. Она проговорила от двери:

– Разрешите?

– Докладывай.

– Они что-то тащат.

– Что?

– Вам лучше самому посмотреть.

Рост даже не стал надевать китель, в бессменной отцовской еще тельняшке, с биноклем в руках он взлетел в наблюдательную башенку. И увидел.

Это были двое пернатых. Они несли что-то на длинной, чуть не в десять метров, палке. Вид их был странен – у каждого на загривке болталась очень длинная ярко-желтая лента. И больше ничего на этих пернатиках не было. У двоих или троих бегимлеси, бегущих в сотне шагов, были такие же ленты, и они тоже были, фигурально говоря, «голыми».

И двигались они как-то странно. Палку свою придерживали боком, одной рукой, не давая страховочной ременной петле соскользнуть с плеча, и бежали парой, ровненько, чуть не шаг в шаг. То есть ни один из носильщиков, как и сопровождающая их смена, не попадали в след, остающийся в воздухе от той… От того предмета, который они тащили переброшенным, как тряпка, через жердь.

А было это в самом деле что-то любопытное – ярко-красное, тугое, как кусок мяса, плоское, словно флаг, бессильно свисающее, иногда теряющее на землю капли желтоватой жидкости… Он отставил бинокль, спросил:

– Давно вы их заметили?

– Давно, уже скоро час, как заметили, – отозвалась Михайлова.

– Откуда они бегут?

– С юга, из глубины болот.

– Быстро бегут?

– Изо всех сил. Только вот что странно…

Внезапно один из бегунов упал. У него не подломились ноги, он не оступился. Он просто упал и больше не шевелился. Тогда один из следующих параллельно сменщиков подскочил к жерди со стороны упавшего, нацепил петлю и побежал вместо него. Пока напарника меняли, второй носильщик даже не смотрел в его сторону, наоборот, он, вытянув шею, смотрел куда-то вбок, подальше от той красной тряпки, которую они тащили. Упавшему никто даже не пытался оказать помощь.

– Да, это я и имела в виду. Они часто падают, километров через десять. Их меняют, и все продолжается.

Рост прикинул, до крепости – а он не сомневался, что именно к ним и несли красный «гостинец» – осталось километров пять.

– Общая тревога! Приготовить пушки, расставить всех стрелков по бойницам. Не дать положить эту штуку к нашим воротам.

– Что за шум? – поинтересовался знакомый голос. Это опять был Каратаев.

Рост оставил его выслушивать доклад, а сам спустился, чтобы привести себя в порядок и нацепить доспехи. Когда в полном боевом облачении, даже со своим ружьецом пурпурных на ремне поверх кирасы, он снова появился наверху, бегунам предстояло пробежать последний километр, не больше. Люди, которые стояли вокруг, были готовы к бою. Некоторые нервничали.

Правильно нервничают, решил Рост. Неизвестно же, что это такое. Он протянул руку и взял карабин Михайлова. У того каким-то образом оказался еще земной «винтарь» той системы, из которой Ростик немало пострелял богомолов и кузнечиков во время Рельсовой войны.

Потом он пристроился к брустверу, выставил прицел. Первый выстрел прошел мимо, но уже вторым он снял одного из бегунов. До него было метров восемьсот, выстрел был неплох. Такого не постыдился бы и снайпер с оптическим прицелом. И тогда пернатые засуетились. На этот раз к бегунам с желтыми лентами подбежало чуть не три десятка вояк. Они все дружно, как на картинке, выставили перед собой щиты, подхватили жердь и…

Рост выпулил всю обойму, потом еще три. Потом ему стали помогать одиночными выстрелами его бойцы, последние двести метров по носильщикам палили уже всей крепостью, но… Но пернатые все равно приближались. На место выбитого бегуна тут же становились новые добровольцы. Ростик выпрямился и отдал карабин Михайлову. Его пальба уже ничего не могла изменить – они косили пернатых как косой, но те продвигались вперед почти без остановок.

– Ты замечаешь, командир? – спросил вдруг Михайлов. – Те, кто ближе к красному языку, падают чаще. И кажется, не совсем от выстрелов.

– Вернее, совсем не от выстрелов, – отозвался Рост, решив не заметить этого «ты» от мальчишки. Потому что глаз у паренька оказался верным, и он умел читать происходящее не по подсказке.

– Так что же будет? – спросил Михайлов.

Рост не ответил, он ждал. И дождался. Устилая свой путь трупами, наваленными, как брусчатка, от слитного, мощного, не останавливаемого щитами огня защитников крепости, пернатые донесли-таки свою ношу и бросили ее на расстоянии всего лишь десятка метров от ворот крепости. И все разом отступили. А те, кто не принимал участия в смертельной эстафете, еще разок вскочили, покричали, помахали пиками, копьями, дротиками, мечами, луками, арбалетами, ружьями или даже пушками и тоже успокоились. Снова уселись на траву. Только в том месте, где пронесли красную тряпку, никто уже не сидел, от этой дорожки старались держаться метров за двести.

Ростик нашел одно-единственное окошко, которое позволяло выглянуть на предвратный пятачок с расстояния метров в пятнадцать, и рассмотрел то, что им принесли. Это был кусок мяса, еще сочащийся желтоватой кровью, заваленный трупами пернатых, какой-то очень уж правильной треугольной формы. В самой этой правильности была какая-то тайна, словно, если бы Рост постарался, он разом понял, что это такое и как это сработает против людей.

А оно действительно сработало – стражники у бойниц, выходящих к воротам, к обеду стали жаловаться на головную боль, а ближе к вечеру одна девушка потеряла сознание. После этого Ростик приказал заложить камнем и залить наглухо все бойницы, выходящие в сторону принесенного «языка» – как выразился рядовой Михайлов.

Но несмотря на принятые меры, язык оказывал свое действие. Хотя, в общем, это и неудивительно. Пернатые не стали бы тратить столько своих бойцов, если бы их трюк можно было нейтрализовать, запломбировав бойницы.

Вечером в верхней наблюдательной башенке появился Каратаев. Он был взъерошен и сразу перешел на агрессивный тон.

– Я протестую против того, что ты приказал заложить бойницы со стороны ворот. Это не позволяет нам наблюдать за этим сектором.

– У нас есть эта башенка, – отозвался Ростик. – Так что совсем без наблюдения за той стороной мы не окажемся.

– Но они могут подкрасться оттуда, воспользовавшись, так сказать, искусственной «слепотой», устроенной тобой. Ты эту опасность учитываешь?

– Идите вниз, – попросил его Рост. – И не забивайте себе голову проблемами, в которых не слишком… – ему не хотелось обижать старшего по возрасту, но уж очень раздражал его тон, – не слишком смыслите.

– Как это понимать?

– Они не пойдут в атаку с той стороны, – отозвался вдруг сзади Герундий.

Даже ему не нужно было объяснять, почему. Это решило спор в пользу Ростика. Каратаев повернулся на месте и ушел.

А потом, за час до темноты, вдруг прибежал наблюдатель от той бойницы, откуда Ростик смотрел на язык днем.

– Товарищ командир, вам нужно посмотреть. Язык развернулся, – доложил он.

Ростика, как почти всегда, покоробило слово «товарищ». Не было в нем того смысла, который оно изначально имело, а употребление при обращении наносило какой-то ущерб самой идее дружественности и товарищества. Но люди от него не отвыкали, тем более что некогда предложенные Солоухиным обращения «сударь» и «сударыня» оказались не лучше.

Раздумывая над этим, он прошел к бойнице, осторожно выглянул и… поразился. Это был большой, чуть не в два метра, кусок треугольной красной, как вареный рак, плоти. Ровный по бокам, с пупырышками, с какими-то ярко-желтыми наростами, бугорками… С того края, откуда он сочился кровью, если желтая жидкость была кровью, язык был грубо и жестоко отрезан, отсечен от чего-то большего, тугого и, безусловно, живого. Может, оно и осталось живым, когда этот лепесток отрезали, подумал Рост. Потом он понял проблему:

– Стоп, – он посмотрел на бойца, сходившего за ним. – Ты говоришь, он развернулся? Значит, он еще жив?

– Он лежал иначе. Но развернулся. Следовательно, не умер.

– Хорошая формулировка, – решил Рост. – Так, может, его можно убрать от ворот? Как-нибудь поджарить с одной стороны, и он уползет?

Вдруг сверху, из невидимой с этой бойницы башенки, ударили выстрелы. Их было не много, но они били часто, словно мишень оставалась непораженной. Рост рванул было наверх, но тут же вернулся к бойнице, то, что происходило за стенами крепости, должно было проявиться тут. И проявилось.

Откуда-то сбоку возник воин пернатых, он уже даже не бежал – заливаясь кровью от множества ранений, он почти летел над самой землей, устремляясь к единственной цели… К этому лоскуту красной плоти. В последнем усилии он прыгнул, взмахнул своим копьем – и воткнул его в нетвердую поверхность почти на всю длину наконечника, пригвоздив красный треугольник. Теперь, сколько бы у того ни оставалось жизненных сил, уползти от ворот крепости людей он не мог.

Рост вздохнул. И пожалел, что у пернатых есть ребята с такой самоотверженностью и решимостью. Без этих качеств они были бы куда более приемлемым противником. Он повернулся к солдатикам, стоящим рядом, выглядывающим из-за его плеч. Скомандовал:

– Заложить эту бойницу тоже. Без крайней необходимости не появляться в галерее на этой стороне. Потом залить ворота каменным раствором, и постарайтесь, чтобы не осталось щелей.

– Как так – залить ворота?

– Как можно толще, – отозвался Рост. – Если получится, если хватит каменного разбавителя – на всю толщину стены.

Уже уходя, он услышал чей-то растерянный вопрос, заданный шепотом:

– А как же мы отсюда выйдем?

Глава 4

Ростик стоял в верхней башенке рядом с гелиографом, направленным на Перевальскую крепость. Михайлов и оказался тем самым связистом, который был способен подменить погибшего в разведке старшего сержанта, посылавшего донесения прежде. Теперь он молотил на подвижной рамке выставленной под солнце жесткой дюралевой конструкции. Фокус был в том, что эта рамка выдвигалась из специальной ниши, когда работала, а сигнальный рычаг был так ловко изогнут, что телеграфист работал, не подставляясь под выстрелы противника.

А впрочем, никакого противника не было видно. Все бегимлеси словно испарились, их не было ни вблизи, ни даже поодаль. Но Рост не сомневался, стоит кому-то из людей оказаться на равнине и попытаться удрать, пернатые бойцы обязательно появятся.

– Есть, командир, связь установлена, – доложил Михайлов.

Но Ростик уже и сам увидел дальний, но четкий блеск зеркала в районе Перевала. Он собрался с духом и начал диктовать:

– Докладываю. – Михайлов послушно и быстро, как на пишущей машинке, застрекотал подвижными жалюзи. Ростик мельком подумал – рассказать кому-то, что это они с Квадратным впервые опробовали этот способ связи тут, в Полдневье, так никто и не поверит. – Ввиду применения противником оружия, от которого не существует защиты, решил эвакуировать гарнизон. Точка. Прошу оказать поддержку с воздуха, так как наверняка буду атакован противником численностью более пяти тысяч бойцов. Точка. Также прошу выслать машины для эвакуации раненых, детей и беременных женщин. Точка. Прошу поддержать огнем на последнем этапе марша и принять выходящий из окружения гарнизон. Точка. Как поняли?

– Поняли хорошо, – отозвался Михайлов, и не мог не отозваться с той фамильярностью, которая иногда появляется между командирами и связистами. – Классный телеграфист у них там сидит… Поддержку окажем, гравилеты придут только под вечер. Может быть, будет только один. Не оставляйте оружия противнику, если возможно, используйте его до истощения боеприпасов.

– Это кто же такой умный там считает, что я не знаю, что делать с боеприпасами? – спросил вполголоса Рост.

– Передавать, товарищ командир? – спросил Михайлов.

– Передавай вот что… И впредь без «товарища», понял? – Рост подумал. – Движение начну завтра утром, возможно, без предварительного подтверждения. Большая благодарность неизвестному советчику про боеприпасы – иначе как бы мы догадались?

– У меня нет вопросительного знака в таблице, – шепотом сказал Михайлов.

– Ну так напиши без вопросительного. Все. Конец связи.

Но стоило Ростику повернуться, как он чуть не налетел на Каратаева. Тот стоял и, щурясь, смотрел на дальние ответные блески.

– А может, все-таки не торопиться? – спросил он задумчиво. – Ну, положили они что-то к воротам, но мы залили ворота наглухо – чем теперь-то они смогут нам повредить?

– Умел бы – помолился, чтобы хоть до утра досидеть, – немедленно отозвался Ростик. – Как бы нам ночью не пришлось драпать.

И решил обращаться к этому человеку тоже на «ты». Особенно при подчиненных.

– Я не понимаю… – начал было Каратаев.

– Командир, – донеслось откуда-то снизу. И к нему из темного квадрата, ведущего в крепость, поднялась фельдшер. Она дышала, словно за ней гнались. Увидев Ростика, она поморгала и тут же стала говорить в своей обычной, напористой манере. – У меня один из солдатиков умер. Неизвестно от чего.

– Как так умер? – не понял Рост.

– Тот, что стоял вчера на посту у ворот и заливал последние щели.

– Так. – Рост растерянно посмотрел на Каратаева. – А ты говоришь, «торопимся». – Он снова посмотрел на фельдшера. – Что это – инфекция? Труп выбросили или сожгли?

– Нет, – чуть растерянно отозвалась фельдшер. – Я его обследовала… Ведь нужно знать, что это. И в общем, я убеждена, что это токсины. Отравление какими-то очень мощными токсинами, воздействующими на нервную систему. Понимаете, приборов у меня нет, но симптоматика…

– Сколько у нас времени?

– Я думаю, с каждым часом ситуация будет только ухудшаться. Для некоторых из нас уже слишком поздно.

– Тогда так, Михайлов, поторопи ребят на Перевале с гравилетом. Скажи, что у нас нет выхода, уходим сегодня, еще до темноты.

– До темноты? – ахнул Каратаев, но спорить не стал.

– Кто у нас дежурный по гарнизону? Впрочем, неважно… Пусть собирает всех людей и волосатиков, разбирают тачки и из дюралевых листов делают листовые волокуши. На них потащим раненых и оружие.

– Сколько нужно волокуш? – спросил вдруг Герундий, подскочив к Ростику, словно он и был дежурным.

– Лучше, если их будет пять… Да, не меньше пяти. В каждые запряжем по десять волосатиков, другие будут отдыхать. Так. Следующее – волосатики пусть вяжут из ремней и тряпок – что найдут – постромки. Они знают, как это делать, для грузовых телег не раз себе делали. И третье… – Он задумался. Ах, как не хватало Квадратного. – Ладно, оружием займусь я сам. Каратаев, тебе придется озаботиться людьми. Чтобы все раненые, все дети волосатиков и беременные девушки бакумуров тоже были отправлены на Перевал. В этом переходе мне нужны только функциональные и эффективные бойцы – никаких обозников и слабаков.

– Хорошо, – кивнул Каратаев. – Кроме того, полагаю, что я, как представитель центра, должен буду отправиться на Перевал, чтобы…

Рост подошел к плешивому мужичку, не веря своим ушам. Должно быть, в его лице появилось что-то, что заставило Каратаева попятиться.

– Ты чего, Гринев? Вместо себя я оставлю… вот, – он указал на Герундия. – Он лучше, чем я, сможет…

– Если ты, – спокойно, как-то даже лениво проговорил Рост, – уж не знаю твоего официального звания, попытаешься залезть в летающую лодку, я самолично выстрелю тебе сюда, – и Рост довольно сильно стукнул указательным пальцем Каратаева в лоб между бровями. – Как дезертира и труса. Понятно? – Оба помолчали. – Грузить только детей, раненых и беременных бакумурш. И пойди найди себе хотя бы пистолет, иначе… В общем, о твоем поведении будет доложено. Поэтому сейчас тебе нужно быть или молодцом, заслуживая прощение, или не быть вообще.

– Ты не так понял… – заныл Каратаев, но Рост его не слушал, у него было много дел.

За остаток дня они потеряли еще четверых, почему-то все были ребятами, должно быть, сопротивляемость токсинам, источаемым красным куском мяса, у девиц была повыше. Но тоже ненамного, потому что, когда пришла единственная лодка, оказавшаяся поблизости, – чтобы тем, кто в тылу планирует движение гравилетов, как говорят старухи, повылазило! – у них уже была и одна дева, явно не ориентирующаяся в пространстве. Ее тоже загрузили в летающую машину и отправили на Большую землю.

Кстати, сажать летающую лодку пришлось на крышу крепости. Она была для этого не очень приспособлена. Тогда, должно быть, в раздражении, Ростик приказал взорвать восемь

столбов верхней башенки, чтобы расчистить место для безопасной посадки. Так и сделали, благо динамитных шашек в крепости было ящика два.

И все это время они работали. Склепывая, а иногда просто связывая проволокой листы дюраля, содранные с тачек и выпрямленные мощными, плоскими, как толкушки, ступнями бакумуров, загибая вверх передний край этим импровизированным салазкам, укрепляя его какими-то распорками, посаженными на проволоку, Ростик и его ребята не прерывались ни на минуту. Все торопились, потому что понимали: находиться в Пентагоне теперь стало смертельно опасно.

Еще, разумеется, привели в порядок оружие, разложили на пятнадцать мешков боеприпасы, хотя у них теперь было чуть более тридцати стрелков и в общем-то полагалось бы выдать каждому патронов под завязку, но Ростик рассчитывал, что по три мешка на волокуши будет в самый раз. А кому придется пополнять три обоймы, которые выдавались заранее, и кто умрет раньше, чем расстреляет боекомплект, – никто предсказать не мог.

В промежутке между обходами всех работающих, готовящихся к эвакуации, а точнее – к бегству, ребят и, конечно, волосатиков Рост не раз и не два поднимался в свою комнату. Тут он подходил к карте и, старательно измеряя расстояние пальцами, словно циркулем, пытался понять: не ошибся ли он, планируя отход.

А план был прост – идти не по дороге, по которой они возили добытый торф, то есть сначала на северо-восток, затем на запад, вдоль Олимпийского хребта, и лишь потом оказываясь в достаточно безопасной зоне, а напрямую, к Перевалу, на северо-северо-запад. Таким образом, пройти предстояло не восемьдесят километров, а всего лишь сорок, правда, тридцать из них – по болоту.

Вспоминая, как он, Пестель и Квадратный как-то раз уже пытались пройти на конях по болоту, Ростик ощутил испарину на лбу и холод в груди, но это было, кажется, единственное разумное решение. Единственное – потому что именно тут скорее всего пернатые не заготовили людям ловушку, только на этом пути они не ждали их. Бегимлеси, без сомнения, сторожили их на относительно твердой дороге – то есть как раз там, где люди, по всем логическим предпосылкам, и должны были пройти. Но где проходить, принимая во внимание эту опасность, Ростик не собирался.

– Кмдр, – раздался из-за двери голос Дутил, или, как ее часто называли, – Дутилихи. Главной бакумурской командирши, начальницы одной из двух рабочих смен, когда еще не остановилась работа и волосатики добывали торф.

– Входи, – отозвался Рост. – Чего тебе, Дутил?

Она молча взяла Роста за руку и указала куда-то вбок. Ее глаза отлично справлялись с темнотой крепости, но Рост увидел этот жест только потому, что на столе горела масляная плошка. Он вздохнул и серьезно поинтересовался:

– Это срочно?

– Два-Й, – вполне решительно отозвалась командирша, и – делать нечего – пришлось идти.

Но когда Рост поднялся на наблюдательную башенку, он понял, что дело действительно было куда как срочным. Гравилет, загруженный под завязку, только что поднялся в воздух и взял курс на Перевал. Теперь до темноты оставалось не больше часа, скорее всего летающая машина еще одну ходку в крепость на Скале сделать уже не успеет. Да и некого было больше увозить, все, что остались, были нужны тут, вернее, в предполагаемом походе.

И, видимо, сообразив все это не хуже людей, десяток с небольшим волосатиков обезоружили единственного постового в одной из боковых башенок, пробили не очень толстую тут стену и спустились вниз на связанных одеялах. Сейчас они направлялись туда, куда собирался держать путь и Ростик – в сторону Перевала, через болото. Казалось, им ничто не помешает, казалось, они прорвутся…

Как вдруг из каких-то кустиков, ямок, а то и просто из болотин стали подниматься воины пернатых. Их было не очень много на этом направлении, не больше сотни, но для десятка практически безоружных волосатиков это было приговором. Пернатые молча, неторопливо, вперевалочку окружили волосатиков, которые стали спина к спине, лицом к противнику, потом спины и хвосты пернатых стали теснее, вверх взметнулись копья, испятнанные чем-то темным клинки, и… Все было кончено.

Ростик опустил бинокль, повернулся к Дутил. Рядом с ней уже стоял Прикат, начальник второй смены волосатиков, следующий по влиятельности вождь в их стае, оба смотрели на Ростика. Наконец Прикат, как более эмоциональный, проговорил:

– Мы – не-а! Мы не так!

– Понимаю, – кивнул Ростик. – Вы не побежите, будете с нами.

– Аг-а, – подтвердила Дутил.

– Я верю, – сказал Рост, едва не добавив, что увиденного хватит, чтобы подтянуться даже самым недисциплинированным. – Тогда приказ такой: разбейтесь на отряды по числу волокуш. Пусть в каждом будет пара-тройка очень сильных мужчин и кто-нибудь способный командовать всей упряжкой. Тебе, Прикат, придется тащить мою волокушу и быть главным. Тебе, Дутил, придется бегать от упряжки к упряжке и поддерживать слабых. Справитесь?

Ростик уже давно разучился пояснять свою речь, обращенную к волосатикам. Каким-то образом они, не шибко красноречиво выражая собственные мысли и желания, понимали почти все. По крайней мере, недопониманий у Ростика в последнее время не случалось.

– Так, – подтвердил Прикат.

Потом он произнес несколько слов на своем языке Дутил. Она досадливо поморщилась, мол, да поняла я, не нужно мне переводить, и на всякий случай, чтобы Ростик не принял гримасу на свой счет, кивнула раза три.

– Вот и отлично, – сказал Рост. – Идите, определите старших по повозкам, приведите в мою комнату как можно скорее, я покажу, как мы будем двигаться.

Это могло быть важно, если кто-либо забредет в сторону и потеряет связь с остальным отрядом. Он оглянулся. На посту в башенке находились только двое – Михайлов с женой.

– Михайлов, через тридцать минут собери ко мне старшин и сержантов. Я проведу инструктаж. И сам тоже подходи. У тебя будет особое задание.

– Есть, – мальчишка козырнул и бросился вниз, едва не оттолкнув своего командира. Видимо, нервное напряжение действовало и на него, хотя внешне он оставался спокойным.

К тому же Ростик и сам отвлекся, он смотрел туда, где погибли дезертиры-волосатики – над ними целая стая пернатых, громко квохча и каркая на свой особый манер, делила добычу. Красные от крови клювы не оставляли сомнения – за неимением костров и из-за голода бегимлеси на этот раз решили пировать сырым мясом.

Через полчаса волосатики поняли, что от них требуется, осознали обозначенный маршрут, а Рост пожалел, что не отправил неизвестному коменданту крепости на Перевале пожелание разжечь большой костер у стен своей цитадели, его наверняка было бы видно на протяжении всего марша, и он был бы отличным ориентиром. Впрочем, у них было еще время, и эту просьбу можно было передать с помощью Михайлова…

Потом пришла пора то же самое объяснить людям. Люди оказались менее понятливыми, или просто привыкли, получив приказ, от души его пообсуждать. Так или иначе, все согласились, что на прорыв следует идти своеобразным каре – двенадцать бойцов впереди, по пять с боков волокуш, выстроенных треугольником, и пятнадцать сзади. Причем сзади должны быть самые сильные, умные и умелые. Потом, когда проход будет свободен, все должны, не ввязываясь в долговременный бой, попрыгать в волокуши, а волосатики, впряженные в постромки, дружно рванут вперед…

Отстреливаться от преследователей придется уже из салазок, конечно, меткость будет не ахти, но другого выбора нет. Выиграют волосатики у пернатых соревнование в перемещении по болоту – кто-нибудь да уцелеет. Проиграют – пернатые еще раз поужинают, на этот раз сытнее, потому что добычи у них будет больше.

Выходить на марш решили через полчаса после наступления темноты, взорвав динамитом заднюю стену крепости. Пускать ракеты для освещения придумали лишь в самом начале боя, чтобы пробиться через заслон пернатых, а потом – только в крайнем случае, чтобы лишний раз не обозначать себя. Что ни говори, у беглецов было преимущество – в темноте бакумуры видели не в сравнение лучше пернатых.

Обсуждать больше было нечего, следовало снести в волокуши все, что собирались забрать с собой, – пищу, воду в кожаных бурдюках, лишние ружья, которых после разгрома разведки под командованием Квадратного было совсем немного, лопаты, ручки и колеса от тачек, которые были сделана из дюраля, а потому цену имели немалую, одеяла и остатки светильного масла в канистрах.

Когда ребята разошлись, чтобы довести сборы до конца, Ростик подошел, сел на свое ложе, которое почти год принадлежало только ему, и закрыл глаза. Он пытался своим пророческим даром осознать: ожидает его в этом отступлении успех или провал. Успехом, конечно, должны считаться малые потери и относительно спокойный, без осложнений марш. Провалом, без сомнения, была бы гибель людей. Да, именно так, потому что людей невозможно было заменить. Даже потерю оружия можно компенсировать, но люди – они были единственным материалом, который тут, в Полдневье, не заменялся. Даже умнеющие на глазах волосатики могли подменять людей только на самых грубых работах. И, конечно, не подменяли их в плане продолжения вида, а значит…

– Командир, – раздался из темного угла слабый, просительный голос.

Рост очнулся, он и не заметил, что стал задремывать, ведь вторую ночь, обдумывая ситуацию, почти не спал.

– А-а, Михайлов, – он вздохнул, чтобы быстрее прийти в себя. – Да, я помню. Давайка, Михайлов, влезай в доспехи старшины Квадратного. Он просил меня их сохранить, а мне почему-то кажется, если ты будешь в моих салазках, то непременно спасешься. И доспехи заодно вывезешь.

– Я? – глаза мальчишки стали круглыми от изумления. Доспехи были высшим отличительным знаком в Боловске, даже не все офицеры могли похвастаться, что у них была эта стальная скорлупа, способная, как однажды случилось с Ростиком, остановить пулю из «калаша».

– Ты.

– Не знаю… Я должен попробовать.

– Я тебе подскажу.

Прикладывая к себе доспехи, Михайлов вдруг расхрабрился.

– Командир, если я поеду в ваших… Ну, в волокушах, где вы будете старшим, можно я Лидку с собой возьму?

– Жену? Конечно. Лидия будет с нами.

– Хорошо. – Связист помолчал. Потом добавил: – Спасибо. С вами-то мы уж обязательно выживем.

– Что?

– Говорят, что вы всегда из воды сухим выходите. Умеете остаться в живых, не погибнуть… – Вдруг он так смутился, что даже при свете плошки стало видно, как краска заливает его скулы и щеки.

– Когда приоденешься, – хмыкнул Рост, – поднимись в башенку и просигналь последний раз, пусть Перевал в течение всей ночи поддерживает костер. Самый большой, какой только сможет. Вдруг это поможет нашему спасению?

– Есть. – Михайлов подумал и отозвался: – Тогда я лучше сейчас сбегаю, передам послание, а то скоро уже и Солнце выключится. Придется масло жечь, а его жаль… Доспехи я потом надену, до выхода на марш у меня будет время.

– Давай, – согласился Ростик. – Заодно меня перед выступлением разбудишь. А то я…

Договорить он не успел. В его сознании возник какой-то разрешающий сигнал, и сон мягко затопил Ростика. Он знал, что может поспать почти час до выступления, и не собирался упускать такую возможность. Все-таки его ждала еще одна, третья подряд бессонная ночь. А это, для такого сони, каким был Ростик, являлось серьезным испытанием.

Глава 5

– И что потом? – спросил старший лейтенант Смага, командир Перевальской крепости, поглядывая какими-то очень осторожными глазками по сторонам. Ростик никак не мог понять их выражения.

– Ничего, – ответил Рост лениво. Он сидел в главном зале крепости, развалясь, почти довольный собой и всем светом. – Пробились через их ряды, слитным огнем смяли попытки пернатых разъединить возки, а потом – болотами, болотами и оказались у кромки твердой почвы почти на пять километров раньше погони бегимлеси. А тут они уже не особенно и рвались в бой, видно, помнили, как мы чистили эту местность из недели в неделю и гравилетами, и «БМП», и огнем, и холодным оружием.

Они прорвались, они были почти все живы. Осталось только сдать раненых, отделить для срочной отправки в город подхвативших таинственную болезнь уже после того, как они вышли из крепости, и можно считать свою миссию оконченной. Почти наверняка его гарнизон будет расформирован, следовательно, его командование подошло к концу.

В комнату неожиданно вошел Каратаев. Он был решителен, как паровоз.

– Из Боловска запрашивают о потерях.

– Люди – раненых четверо, заболевших – семеро. Волосатики…

– Это неважно, – отозвался Каратаев, но Ростик резким жестом привлек его внимание.

– Ты отправишь доклад так, как я его сформулирую, или я сам поднимусь к телеграфистам. – Убедившись, что Каратаев в очередной раз, закатив глаза к небу, выразил ужас нахождения рядом с Ростом, но больше не спорит, добавил уже спокойнее: – Бакумуры – двенадцать поцарапанных из пращей, трое серьезно задеты из ружей, остальные, чуть больше восьмидесяти душ, – в порядке.

– Теперь все? – спросил Каратаев.

– Все.

Он ушел. Рост потянулся за великолепным травяным чаем, когда Смага неожиданно спросил:

– Не понимаю, почему вы с ним не поладили? Это не очень хорошо, Гринев.

– Тогда позвольте мне удивиться, как вам удалось с ним поладить? – Он отхлебнул чай, потом посмотрел на вежливого, немолодого, лет уже под тридцать, с франтоватыми усиками старлея. Ему не хотелось, но он обязан был задать этот вопрос. – Кстати, как могло получиться, что вы отпустили гравилет в Боловск? Вы же знали, что из крепости на Скале к вам идет гарнизон, поддержка с воздуха могла оказаться решающим фактором в бою. И вы все-таки…

– Полагаю, это находится в моей, и только моей компетенции? – чуть заметно потемнев лицом, отозвался Смага.

– Как вас по отчеству?

– Кузьма Владиленович, – с неудовольствием ответил старший лейтенант.

– Ума не приложу, Кузьма Владиленович, почему вы считаете свои решения, от которых зависела жизнь людей и бакумуров, которыми командовал я, только своим делом?

– Значит, вы полагаете, я должен отвечать?

Бред какой-то, подумал Ростик, нам еще остается начать расшаркиваться и теребить аксельбанты.

– Хорошо, – решился Смага. – У меня вышел срок работы гравилета, и по графику я должен был отправить его на алюминиевый завод.

У Ростика отпала челюсть.

– Что? Вы хотите сказать, что вы просто выполняли… график? – Его рука зависла так, что чай пролился на колени, но это было не страшно, он был еще в доспехах, и кипяток остыл прежде, чем попал в зазоры коленного шарнира. – Вы выполняли график, который составили какие-то тыловые крысы за месяц до этих событий, который не может и не должен учитывать изменений общей обстановки?.. Который вообще никто никогда не принимает во внимание?

– Я думаю иначе. Если в штабе решили, что гравилет нужен где-то еще, он должен быть отправлен туда, куда его определили работники, которых вы называете «крысами».

– Так. – Ростик встал. Злость его была безадресной, вернее, адресной, но, к сожалению, человека, который действительно отвечал за сложившееся положение вещей, тут не было, а находился он скорее всего в городе, в своем кабинете, и назывался Председателем. – Вы понимаете, конечно, что я обязан буду донести до командования ваши действия? Разумеется, с моими комментариями?

Теперь Смага был красен, как рак.

– Не понимаю, что в этом такого… особенного? Никто ведь не погиб, все дошли?

– Дошли, только нас встретили почти на десять километров позднее, чем обязаны были. Только костер горел всего лишь половину ночи, хотя я просил, требовал, приказывал, чтобы он горел ночь напролет. Только гравилет – наше главное оружие тут, на болотах, был отправлен в тыл, видите ли, для того, чтобы соблюсти график.

– С полночи вы не выстреливали ни одной ракеты, мы подумали, что… Ну, что вы…

– Договаривай. Решили, что нас нет в живых?

– Да. Мы решили, что вы полегли при прорыве, и я приказал поддерживать огонь, уменьшив дорогое масло наполовину.

– Ты пожалел масло. И не на половину, а совсем. С полуночи огонь не горел вовсе. – Ростик вздохнул. – Хорошо, что у нас были волосатики, они запомнили направление, а не то…

– Я слышал, Гринев, что ты невозможный человек, но чтобы ты действительно оказался таким… – Смага встал и пошел к двери из офицерской комнаты, которую когда-то, еще при строительстве Перевальской крепости, стали называть кают-компанией. Видимо, решил выдержать характер.

– Минуточку, – окликнул его Рост. – Смага, вы в каком звании?

– Я? – словно тут был кто-то еще. – Старший лейтенант, я же тебе представился.

– Значит, вы старше меня по званию. – Ростик сел, решил дать роздых усталым ногам. – А позвольте полюбопытствовать, за какие заслуги вы его получили? В каких сражениях вы отличились и где?

– Довольно, я не намерен больше делать вид, что не понимаю твоих оскорблений!

– А я так понимаю, что вы не заслужили это звание. Вы его просто получили. И боюсь, что даже не на Земле, а тут, в Полдневье, без понимания, что и как следует делать, чтобы люди рядом с вами могли выжить.

Продолжать смысла не имело, Смага ушел. Рост допил свой чай. Спать хотелось невероятно. Если бы он знал, что они будут делать в ближайшие часы, он бы свернулся калачиком прямо тут и прямо в доспехах, сунул бы ружье под руку, как ребенок устраивает на ночь своего медвежонка, и уснул… Он так давно не спал.

Но следовало ждать Каратаева, который должен был принести новые известия и приказы. Тогда-то и станет понятно, что с ними сделают за проигранную войну, практически самовольный отход из Пентагона, за крики возмущения, за придирки к старшим по званию офицерам.

В дверях в сопровождении Смаги показался Каратаев. Он выглядел торжественным, как на похоронах. Причем, похоже, на таких, на которых хоронили его главного конкурента.

– Гринев, нам приказано быть в Боловске как можно скорее. Вот старший лейтенант предлагает воспользоваться его мотоциклом.

– Нас же двое.

– Он с коляской.

Рост посмотрел на Смагу.

– У вас был мотоцикл, и, бьюсь об заклад, – вы даже не подумали выслать его нам навстречу и подобрать раненых.

– Бросьте, Гринев, у вас не было тяжелораненых.

– Но вы-то этого не знали.

– Все, что я не сделал, по-вашему, получается очень плохо.

– Получается, – кивнул Рост и пошел к выходу, прихватив свое оружие. – Когда отбываем? В приказе говорится, что нужно спешить?

– Только, Вениамин Лурьевич, нужно заправиться на алюминиевом заводе, это крюк небольшой, километров в десять, и тогда топлива в баках будет под завязку, – зачастил Смага.

– Сделаю, Владиленович, – согласился Каратаев.

К огромному удивлению Ростика, ему даже не пришлось спорить, чтобы занять место в коляске. А это могло оказаться важным – в коляске было уютно, и вполне получалось поспать, не рискуя свалиться. К прибытию в Боловск Ростик хотел хоть немного восстановить способность соображать, кажется утерянную за бессонные ночи, – вдруг их сразу потащат пред светлые очи начальства?

На завод ехать пришлось отнюдь не десять километров, а куда больше, но Рост понял это, только когда они уже приехали. Он в этих мастерских еще не был, поэтому оглядывался с интересом.

Это были три огромных корпуса, расположенных треугольником, связанных между собой стенами с отрытыми переходами по их верху, на высоте метров семи, не меньше. Между корпусами была устроена довольно цивилизованная стоянка, почти по-земному гладкая и аккуратная, вот только вместо асфальта она была залита упрочненным камнем триффидов. Вернее, плиты были сработаны по единому, шестистороннему шаблону, а стыки залиты, но в них иногда уже проглядывала трава. Ну, местную травку каменные плиты не испугают, решил Ростик, впрочем, как и земную.

Корпуса были спланированы, как в крепостях на Скале и на Перевале, чтобы внешние стены представляли собой трехэтажную защитную линию, где могло разместиться с полтысячи человек. А внутренние составляли рабочие помещения, чем-то неуловимым похожие на те цеха вагоноремонтного, которые после войны с насекомыми врезались в Ростикову память намертво.

Ворота внутрь этой крепости, устроенные между двумя самыми большими корпусами, были снабжены вышками со спаренными пушечками пурпурных наверху, системой защитных лабиринтов, чтобы нельзя было ворваться внутрь одним рывком, и даже, как показалось Ростику, чем-то вроде тамбура, когда за первыми воротами шли вторые, а их, в свою очередь, подкрепляли третьи.

Зато внутри было безопасно. И даже довольно многолюдно. Должно быть, так показалось потому, что Ростик уже наметанным глазом определил: людям, которые вышли посмотреть на заезжих командиров, нечем заняться. Это было странно.

Впрочем, все легко разъяснилось. Не успели они подкатить к заправке, как к ним решительным шагом подошел невысокий, черноволосый, с потемневшей кожей то ли от загара, то ли от несмываемого масла паренек с озабоченным лицом. Он выставил вперед свою узкую, холодную ладошку, сложенную лодочкой, как девица, и представился:

– Дубровин. – Подумал и добавил: – Сергей. Оставлен за главного инженера. Тот, вы уж извините, отбыл сегодня в Боловск.

– На чем отбыл? – с преувеличенной строгостью спросил Каратаев. А может, это было его, так сказать, «естественное лицо» с теми, кто проникался его, каратаевской, важностью и значительностью.

– На гравилете, – доложил Сергей. – Его нам…

– Знаю, с Перевальской крепости подбросили, – добавил Рост. – Обрати внимание, Каратаев, если бы Смага не торопился, мы бы не гоняли этот самокат, а с комфортом долетели до места назначения. Его «экономность», как почти всякая глупость, обернулась дополнительными расходами.

– Что такое? – удивился Дубровин.

– Это к тебе не относится, – отозвался Каратаев чуть резче, чем следовало.

– Пока будем заправляться, – попросил Ростик, – покажи-ка мне, Сергей, что у вас тут происходит?

– Заправиться нам – пара минут, – сказал Каратаев.

– Что же делать, – развел руками Ростик, – придется подождать. Когда я еще сюда попаду?

И Дубровин, осознав, что гостя одолело любопытство, провел Ростика по цехам. А это были именно цеха – столько в них было машин, так они были спланированы и выстроены.

В первом из цехов оказались снятые с ходовой части паровозные агрегаты. Их было десять, хотя два из них оказались разобранными – как пояснил Дубровин, на «профилактику». К каждой паре паровозных машин через систему муфт и редукторов подсоединялся один электрогенератор. Эти машины вообще выглядели неуловимо-непонятными. Они были спрятаны под кожухи, около них никто из персонала не крутился, все их показатели выводились на общий приборный щит, около которого круглые сутки дежурил оператор.

Цех был – загляденье. Вот только работала всего пара паровиков и крутился, судя по гулу, лишь один генератор. Рост спросил, в чем дело. Дубровин начал вздыхать.

– Очень мало топлива осталось. Вы ведь с торфяного разреза? – Ростик подтвердил. – Вот когда вы подавали торф, мы работали в две смены, по десять часов. А сейчас…

Потом они пошли в другой цех, где из добытых на склоне Олимпа бокситов выплавлялся алюминий. Тут все было еще красивее – электроплавильные ванны, обложенные футеровочным кирпичом, довольно мощные даже на вид неспециалиста электрические шкафы, лотки для слива расплава, конвейеры для подачи боксита… Этот цех понравился Ростику больше всего, должно быть, потому, что весь производственный процесс можно было увидеть по результатам, не то что получение электротока.

А в третий цех они не пошли. Там, как сказал Дубровин, был склад бокситов, торфа, металла и, конечно, необходимых запасных деталей для машин. Еще, как подозревал Ростик, там же находились казармы для охраны, жилища рабочих, административные помещения, гаражи для транспорта и гравилетов… Но смотреть на это было уже некогда. Каратаев торопил отчаянно, даже сам сподобился размахивать руками, чтобы Ростик видел, что следует ехать дальше.

Они поехали. Рост опять, но не без боя, вытребовал себе коляску. На этот раз Каратаев попытался спорить, мол, он тоже устал, тоже провел ночь на ногах, отступая со всеми. К тому же он, как ему показалось, привел «железный» аргумент:

– Ты ехал до завода, а я, по законам справедливости, должен ехать после.

– Ты что-то больно хитер, Каратаев, – отозвался Ростик, досадуя, что вся сцена происходит на глазах Дубровина и водителя, имя которого Ростик не догадался сразу спросить. – До завода от крепости километров двадцать. А теперь нам тащиться больше сотни верст, и ты называешь это справедливостью?

В общем, Каратаев уступил. Должно быть, полагал, что везет Ростика на расправу, а с осужденным спорить не положено. Признаться, Ростик и сам так думал, хотя надеялся на некоторые смягчающие его вину обстоятельства.

В Боловск они приехали изрядно после полудня. И Ростик настоял, чтобы его подбросили к дому, он хотел, если возможно, искупаться и переодеться. Каково же было его удивление, когда, ополоснувшись в душе чистой, пресной – хоть пей – водой, прогретой Полдневным солнышком, переодевшись в свежую форму, подбросив вверх десяток раз полуторагодовалого Ромку, который сидел дома со своей няней-бакумуршей, у которой у самой оказалось трое отлично выглядевших волосатых отпрысков, он так и остался не востребован Белым домом. То есть его просто-напросто не вызвали к начальству. И уже поздно вечером, когда он провел в приемной почти пять часов, ему предложили находиться в городе и ждать.

Чего именно следовало ждать, Рост не понял, но уточнять не стал. Эти дни, впервые более чем за год, он мог провести дома, с женой, сыном, мамой и даже непонятно как оказавшейся у них бакумуршей, которая вполне исправно отзывалась на имя Кирлан. К тому же, как выяснилось почему-то через три дня, не раньше, она оказалась главной женой Винторука, и тогда понемногу проявилась вся интрига.

Видимо, после родов Любаня вздумала работать, но для этого следовало на кого-то оставить Ромку. И тогда верный Ким, опекающий все семейство в условиях отсутствующего главы – то есть его, Ростика, – привел жену своего загребного, у которой появился дополнительный заработок, а у Ростикова гнезда – няня и определенная свобода для жены. То, что в последнее время на волосатиков стали оставлять даже детей, Ростик не знал, но теперь почувствовал на себе. И хотя он неплохо относился к бакумурам, хотя по-настоящему, без всяких скидок, уважал Винторука, это обстоятельство заставило его понервничать. Хотя и недолго, лишь до той поры, когда он увидел, как с его Романом, едва-едва пробующим ходить, под руку гуляет девочка волосатиков, больше его раза в два, а от всяких непонятных жуков защищает другой бакумуренышш – почти такой же маленький, но быстрее постигающий законы выживания.

В общем, если бы не неясная угроза судилища за проигранную, по сути, войну, жизнь была бы прекрасна. Оглядевшись, послонявшись по городу пару дней, убедившись, что время у него почти наверняка будет, Ростик взялся за давно откладываемое, но необходимое дело – он попытался перепланировать и перестроить дом.

Одноэтажные дома из светлого кирпича на Октябрьской, которые построили еще в конце двадцатых, рассчитывались по первоначальному плану на две семьи, а потому были разделены пополам. Соответственно, пополам были разделены передние палисадники и задние, хозяйственные дворы. Соседей, которые жили во второй половине их дома, Ростик помнил, конечно, потому что прожил с ними, считай, бок о бок всю жизнь, но воспринимал как-то с трудом. Они были старыми, много болели, редко выходили из дому, а в последние перед Переносом годы вообще уезжали на много месяцев к дочери в Рязань.

После Переноса они оказались в самом плачевном положении, как и другие беспомощные старики. Мама пыталась им помогать, но они не очень этому радовались, наверное, потому что находили это унизительным. И вот, по сведениям мамы, где-то неподалеку от Боловска с помощью Председателя был организован дом престарелых.

Поэтому после отъезда соседей, после вывоза стариками оставшегося имущества, мама сломала внутреннюю перегородку и попыталась объединить дома. Что было кстати, потому что с бакумурами места уже не хватало. После этого объединения половинок дома всем стало гораздо удобнее… Вот только защита от возможного борыма стала еще более проблематичной – потому что дом остался земным, слишком уязвимым, с большими окнами, неглухим чердаком, слабым полом, через который в помещение могли проникнуть не только летающие крысята, но и ранее невиданные жуки размером со спичечный коробок.

Вот теперь, воспользовавшись передышкой, Ростик выпросил у каких-то полузнакомых мужиков в районе новопоселения Шир Гошодов добавку к каменнолитейному составу и принялся за дело. Работал он, конечно, не очень умело, но вдохновенно и старательно. К тому же его часто выручала память – он видел, как и что полагается лить из камня не один десяток раз, особенно при строительстве крепостей на Перевале и на Скале. А там, где дело не клеилось, спасал здравый смысл.

Сначала его смущало, что дом, который он возводил, был слишком похож на ширские дома, только без подвала и подземных переходов, но потом это как-то забылось. И Рост все дни напролет ковырялся, оставаясь лишь в отцовских брезентовых шортах, в своем будущем владении. Конечно, одному ему было трудно, но неожиданно ему стала от всей души и весьма неглупо помогать Кирлан. Вдвоем у них все получалось просто великолепно.

Но на одиннадцатый день пребывания Ростика в Боловске у их полуразрушенного штакетного забора появился посыльный и передал странное письмо. Ничего не оставалось делать, как смыть с себя строительную пыль, переодеться и отправиться в указанное место. Хотя Ростик и недоумевал, почему новое задание ему должны были сообщить в обсерватории?

Глава 6

Перед обсерваторией его остановил пост строгих девиц. Ростик помучился немного дежавю. А может быть, и истинным воспоминанием – он был уверен, что-то очень похожее и в этом самом месте с ним уже когда-то было. Или у него окончательно сбрендили его немного странные мозги.

Впрочем, узнав, кто он, а главное, прочитав ту самую записку, которую ему вручил курьер, девушки решили от него отстать. Лишь одна из девиц чуть раздраженно проговорила:

– Что-то ты не похож на Гринева.

Рост так растерялся, что даже не придумал, что ответить. То ли девица имела в виду его отца, что вряд ли, потому что было давно, то ли все-таки его самого, но тогда странно, что в нем не узнали его же. Так или иначе, эта загадка осталась нерешенной.

Территория за обсерваторией охранялась не зря. С нее уходили вверх казавшиеся на расстоянии очень тонкими четыре капроновых шнура. Три из них были привязаны к тяжеленным бетонным колодам, бывшим станинам радиотелескопа, образующим треугольник со стороной более ста метров, а четвертый шнур поднимался строго из центра этого треугольника. И был он слегка прослаблен, видимо, натяжение представлялось для него неважным.

Все эти струны уходили вверх на высоту метров четырехсот, как решил Рост, и крепились к самому настоящему… воздушному шару. Большому, серебристому, чуть вытянутому, словно продолговатая груша, удивительно мирному и красивому. Про этот шар Ростик, конечно, слышал, несколько раз видел издали, но вот приблизился впервые.

Оказалось, что шар висел, вернее, плыл так высоко, что от него даже тень получалась какая-то разреженная. Еще очень странной была относительная мягкость струн, на которых он держался. Вблизи они были совсем не напряженными, их без труда можно было потянуть на себя, а если после этого выпустить их из пальцев, они слегка вибрировали.

– А вот щелкать не рекомендую, – раздался сбоку голос, и Ростик с радостью увидел директора обсерватории, старого знакомого отца, а ныне, как можно было надеяться, и самого Ростика – Бориса Михайловича Перегуду.

Рост делано вытянулся.

– Прибыл, похоже, для дальнейшего прохождения, ну и все такое… Что это, Борис Михалыч?

– Это? – Перегуда счастливо сощурился. – Это, Гринев, наше новое изобретение. Два года клеили, год собирали водород.

– Так он водородный?

– А где же мы тебе, мил-человек, тут гелий возьмем? Нет, я уверен, что гелий тут есть, но вот добыть его с нашими технологиями и нашей энерговооруженностью невозможно. – Как почти всегда бывало и прежде, разговор с Перегудой почти тут же переходил на прикладную науку, технологию и решение головоломных проблем.

– Но ведь водород?..

– Что водород? Водород – это вода, даже в Полдневье. Взяли ванну дистиллята, опустили пару электродов, поднатужились… Просушили то, что получилось, и вышло два моля водорода на один моль кислорода. Кстати, электричество получали из торфа, который вы добывали на юге.

– Я не о том. Я хотел сказать, что водород – опасно. Еще «Гинденбург»…

– Правильно, Гринев, тебя неплохо учили, оказывается. Водород – это опасно. «Гинденбург» и все такое… Но, понимаешь ли, выхода нет. – Перегуда поднял голову, любовно

посмотрел на шар, паривший в вышине, и ласково прикоснулся к шнуру, удерживающему летательный аппарат. – Зато получилось неплохо, уже полгода висит, и хоть бы хны.

– А почему его удерживают три леера? Даже четыре!

– Четвертый – не леер. Пойдем.

Перегуда с видом бывалого заговорщика подошел к центральному шнуру, тому самому, который был не натянут, и тут-то Рост увидел, что это не один шнур, а несколько. Центральную его жилу составлял, конечно, капроновый пятимиллиметровый тросик. Но еще вдоль него шел проводок, очень похожий на тот, которым оснащались полевые армейские телефоны, или еще на какой-нибудь двужильный гибкий токовод.

– Ого, тут у вас все серьезно, – отозвался Ростик.

Вместо ответа Перегуда выволок из-под каменной будочки, похожей на собачью, куда входили через верх все эти провода… армейский телефон. Покрутил ручку и поднес трубку к уху.

– Алло, верх? Да, это я. Тут к вам гости… Нет, конечно, один, я подниматься не буду. В общем, это распоряжение Председателя, спускайте крюк. – Он повесил трубку и повернулся к Ростику. – Ты вообще-то как высоту переносишь?

– А что?

– Понимаешь, не все на это легко реагируют. Поднимутся метров на пятьдесят и начинают орать.

Рост поднял глаза, и у него нехорошо заурчало в животе. Прямо по центральному шнуру сверху сползал стальной блестящий карабинчик. На карабинчике висели лямки парашюта, со спокойным звоном металлических бляшек раскачиваясь вокруг пустоты, которую должно было заполнить Ростиково тело.

– С тобой-то проблем не будет. Ты у нас такой невероятный герой, что если что-то в Полдневье происходит, а тебя нет поблизости, то даже как-то не сразу верится. – Рост посмотрел на Перегуду. Тот посмеивался, но в смелости своей жертвы нисколько не сомневался. – К тому же оттуда вид – хоть за деньги продавай эти экскурсии.

Когда ремни опустились, Перегуда деловито защелкнул их вокруг Ростика, потом похлопал его по плечу и добавил:

– Ты слушайся командира, там, наверху. Он себя ведет как деспот, словно шар – его собственность. Но глаз замечательный, видит даже то, что в принципе увидеть невозможно. К тому же не ошибается.

Вдруг тросик над Ростиком напрягся и пополз вверх… Вернее, это сам Ростик пополз вверх. Сначала страх, возникший в животе, был еще преодолим, потом стал невмоготу, потом… Все стало интересно. Должно быть, потому, что впервые Ростика транспортировали как неодушевленную вещь. И это оказалось вполне разумным – если бы хоть что-то зависело от него, он наверняка от ужаса наделал бы ошибок и, чего доброго, еще сверзился. А тут все свершалось помимо его страхов.

Надо признать, подъем длился долго, Ростик даже слегка подмерз, пока его втащило в небольшой лючок, проделанный в дюралевом днище корзины. Тут он не успел очухаться, как его уже отволокли в сторону от пропасти в четыре сотни метров, разверзшейся под ногами, и стали освобождать от ремней.

А он, как оказалось, так привык к ним, что даже не хотел, чтобы его и освобождали. Он попытался отпихнуть эти руки, но потом увидел легкую дюралевую лебедочку, с помощью которой его поднимали, и ему стало так худо, что он даже перестал сопротивляться. И лишь тогда осознал, что его путешествие наверх закончено, что все завершилось благополучно.

Он вздохнул, вытер глаза, в которых застыла от напряжения какая-то муть, и огляделся. Он был внутри тесной, закрытой сверху тканью, как шатром, гондолы. Лишь потом он понял, что это не шатер, а сам воздушный шар, мерно колыхающийся какими-то легкими, едва

заметными складками, должно быть, потому, что объем его был куда больше, чем требовалось для подъема на эту высоту.

Тогда он посмотрел на человека, который втащил его сюда, – это был Боец. Тот самый парень, с которым он пережидал вал борыма пару лет назад… Ну, когда этот вал впервые появился и оказался чересчур сильным и неожиданным.

– Боец, – позвал его Ростик, потом понял, что губы его не очень-то слушаются. Прочистил горло и позвал уже громче: – Боец, ты возмужал.

Парень действительно стал выше, сильнее, уверенней. Кроме того, у него появились мускулы, которые почему-то наводили на мысль о Коромысле, но Ростик отбросил ее как необязательную… Или слишком смелую, хотя он еще и не знал, в чем именно. Может, в том, что не один Коромысло стал чудо-богатырем, но вот и этот паренек тоже. Тогда, что ни говори, это не случайность, а некая закономерность, которую следует понять и обдумать.

Потом Рост перевел взгляд на второго человека… который оказался девушкой. И тоже знакомой. Это была хохлушка, та самая, которая была у него заряжающим во время налета пурпурных на Боловск.

– И ты здесь! – он сумел улыбнуться.

Боец на его улыбку ответил не сразу. Он посмотрел внимательно, почти сурово в его глаза и лишь потом с трудом, словно заржавленный, улыбнулся в ответ.

– Многие вообще без сознания сюда доползают, командир. Рад, что вы оказались из другого теста. А то не люблю я возиться с дохликами.

– Да, дохлики, как же, – отозвалась певучей скороговоркой хохлушка. – Сам-то небось, когда первый раз поднимался, чуть штаны не испачкал.

– Не выдумывай, – отозвался Боец.

– А я не выдумываю, – отозвалась хохлушка и попыталась еще что-то сказать. Но Рост остановил ее жестом.

– Боец, слушай, а я ведь не знаю твоего имени.

– Денис… – Он подумал, добавил: – Денис Пушкарев. А вот эта «трындычиха» – моя жена и одновременно сменщица.

– Сонечка Пушкарева, – протянула девушка руку и улыбнулась слегка обветренным и конопатым лицом, словно ни на миг в своей жизни не сомневалась, что она не Соня и уж, конечно, не Сонька, а именно Сонечка.

– Я рад, ребята, вас видеть. – Рост оглянулся на люк.

Сонечка, догадавшись о его душевных и телесных муках, опустила крышку люка и даже наступила на нее ногой. Рост покачал головой и подумал, что никогда не решится спуститься, и тут же понял, что спускаться придется скоро, может быть, через пару часов.

– Ладно, я в порядке. Показывайте, что у вас тут?

– Вы не знаете задания? – удивился Боец, то есть Денис. – Ну, тогда, наверное, вам следует показать это марево.

Рост оглянулся. В южном углу гондолы находился довольно сложный аппарат с манометрами, большими, еще с Земли, стальными белыми баллонами, одним голубым баллоном и какими-то дюралевыми ящиками, составленными так, чтобы служить кроватью. Сбоку от этого устройства находился откидной столик, который уже так давно не закрывали, что он даже немного покривился, и его, скорее всего, довольно скоро необходимо будет серьезно ремонтировать. Потом шла лебедка, с помощью которой Ростика и других «гостей» сюда втаскивали или спускали на землю, и все остальное, необходимое для жизнедеятельности экипажа, включая воду, пищу, светильное масло для готовки горячей пищи и ночной подсветки.

А вот около северного борта гондолы находился… Ростик даже хмыкнул от удивления, потому что там стоял невысокий, но очень мощный любительский телескоп. Таким телеско-

пом на Земле можно было изучать Луну и всякие звезды, а тут, без сомнения, посредством этого инструмента велось наблюдение за «соседями».

– Телескоп, – Рост произнес это слово вслух, словно наслаждался им, как музыкой. – В самом деле, все довольно просто. – Его сделал Перегуда, – начал объяснять Боец. – У него тут неплохо оптические приборы стали получаться, он даже пятерых людей пригласил для механической работы, вот они и работают. Впрочем, сразу скажу – это не телескоп. Тот дает перевернутое изображение. А это, по сути, большая, очень сильная подзорная труба. Она позволяет видеть в неизмененном виде такие детали, просто дух захватывает.

– Ты, я вижу, как начал, так и остался наблюдателем, – сказал Ростик.

– Выходит, что так, – без улыбки согласился Боец.

Все-таки он был Бойцом, хотя сейчас и засел в тылу, а не на передовой. Но то, что он делал, было необходимо, Рост ни на мгновение не подумал, что парень отбывает тут номер, прячется от фронта.

– И что ты хочешь мне показать? – спросил Рост.

– Давайте я наведу, – отозвался Боец и сел на какой-то пуф вместо скамейки, чтобы не продавливать ее ножками не слишком прочное днище гондолы.

– Ты градусное деление не забыл? – спросила Сонечка. Она подошла к столу, достала кипу каких-то журналов, многие из которых были уже забытого Ростиком формата амбарной книги, и принялась ими шуршать. – Командир, посмотри.

Ростик подошел. Это был рисунок, сделанный не слишком искушенным художником, но все-таки какое-то представление об увиденном он давал. Вот похожая на столовую гору возвышенность, довольно высокая, раз в пять выше всех окружающих деревьев, вот другая, чуть дальше, вот… Рост подумал, что он бы нарисовал схематичнее, но и понятнее – это было, скорее всего, море. А между морем и дальней горой вверх поднимались какие-то извилистые линии.

– Что это?

– Это – сорок два градуса двадцать секунд, расстояние около трехсот километров, – доложила девушка. – Мы разбили весь окоем на градусные сектора и дальностные полосы – для ориентировки. И изучаем, изучаем… – Она горестно вздохнула. – Глаза – горят. Но в последнее время даже ночью пытаемся наблюдать.

Ростик не заметил бы этой фразы, пропустил ее, засмотревшись на другие рисунки, среди которых попадались даже гнездовья пернатых, чего он прежде никогда не видел, если бы Боец не оторвался от окуляров, сделанных так, чтобы не напрягать один глаз, а работать сразу двумя, и не бросил чересчур уж выразительный взгляд в сторону жены.

– Ну, чего ты, чего? – отозвалась Сонечка. – Это же не начальство, а Гринев. Ему можно.

– Можно – что? – спросил Рост.

– Болтунья она, – отозвался Боец. – Болтушка, болтологический феномен. – Он вздохнул. – В общем, я не знаю, как это определить. Не знаю, что вообще имею в виду, но что-то в последнее время стало не так.

– Неспокойно как-то стало, нездорово, – пояснила Сонечка.

– В каком плане?

– Если бы знал – объяснил бы. А так… – Боец махнул рукой. – В общем, надо смотреть, думать, а лишь когда что-то прояснится, тогда говорить.

– Правильно, – согласился Ростик, – только мне, как сказала Сонечка, можно и нужно говорить, даже когда непонятно. Я и сам попадался на этом, что-то чувствую, а что – неясно. И не раз оказывался прав.

– Да, – согласился Боец, – я слышал.

– Тогда чего темнишь?

– Не темню я. – Он уступил место у подзорной трубы.

Ростик сел и стал смотреть. Вот первая столовая гора. В «живом» виде она оказалась еще выше, наверное, метров за двести перевалила. И еще она поросла плотным кустарником, довольно высоким – если ставить неприметный пост, то непременно следовало занять эту верхушку. Разумеется, если наверх можно было вообще подняться без гравилета… Хотя, хороший пост можно обслуживать и гравилетом. Вторая гора была еще более высокой, но ее верхушка обвалилась и никакими укрытиями не располагала. Должно быть, поэтому стало видно, что в ее складках что-то шевелится… Вот это да, подумал Ростик. На горе, как на насесте, сидел летающий страус бегимлеси и, изгибая длинную шею, смотрел вниз, под гору. Вдруг изображение дрогнуло, потом ощутимо отъехало вниз и вбок.

– Да, такое бывает, – отозвался Боец. – Это кто-то внизу приехал в обсерваторию. Мы находимся на гибкой связи с основанием, а все равно иногда так дергает… Или когда ветерок поднимается – редко, но пять-семь дней в месяц бывает. Тогда даже близкие объекты вроде Одессы наблюдать невозможно.

– А Одесса отсюда видна?

– Отсюда все видно, – отозвалась Сонечка. – Кроме Водяного мира. Там горный хребет не дает, все-таки он выше.

– А выше хребта вы подняться можете?

– Можем, – отозвался Боец. – Только тогда приходится использовать кислородные маски и водород из шара улетучивается быстрее – все-таки его клеили в Полдневье, вручную, швы не слишком плотные. Вот и приходится раза два-три в день подкачивать.

Вдруг темная волна боли прошла по Ростику, закружилась голова, заболела почти как от удара. Но глаза почему-то стали видеть лучше. И он увидел – между морем, которое сначала вообще не воспринималось как объект, скорее как невыразительный серо-зеленый занавес в тусклых разводах теней на дне, и второй горой появились видимые даже на таком расстоянии горячие токи. Они поднимались вертикально и затемняли иные из полос моря.

– Вижу, – сказал Рост и сам удивился, как тускло звучал его голос. – Действительно, что-то горячее у них… греет воздух.

– Тебе повезло, командир, – сказала Сонечка. – Иногда по месяцу такого не бывает, а ты сел и сразу поймал.

– И как вы только увидели? – удивился Ростик.

– Для того и сидим, – отозвался Боец.

– С этим, кажется, ясно, – решил вдруг Ростик.

И, удивившись, должно быть, не меньше, чем Боец и Сонечка, стал поворачивать трубу влево, к северу. Попутно запоминая береговую линию, хотя теперь, зная ориентиры, почти наверняка нашел бы эту точку с маревом даже на самодельной карте. Но теперь его интересовало что-то другое, что-то идущее с севера.

Вот на миг мелькнули чуть более глубокие водные слои, а он и не заметил, что уперся в море, далекое, залитое уже не столько светом Полдневного солнца, сколько слоями тумана… И вдруг где-то очень далеко, на краю сознания или даже за этим краем, что-то мелькнуло. Что-то зловещее, черное и в то же время блестящее, несущее угрозу, уничтожение, смерть.

– Командир, – позвал Боец. – Когда мы нервничаем, тоже туда смотрим. И тоже видим.

– Откуда ты знаешь, что я вижу? – спросил Рост.

– Черные треугольнички, – почти беспечно произнесла Сонечка. Но было в ее голосе что-то такое, что не позволяло верить в беспечность.

– Это вы и хотели мне показать?

– Показать-то не хотели, но… Ты как-то сам увидел.

Рост подумал, еще раз помусолил край света подзорной трубой. Нет, туман вдруг стал гуще, черных треугольников, как выразилась Соня, уже не видно.

– Вы можете определить, где это? Насколько далеко?

– Почти у дальних островов, – отозвался Боец. – В пяти, а то и в семи тысячах километров.

– Я думаю, больше десяти тысяч, – сдержанно отозвалась его жена.

Ростик подумал. Это было далеко, очень далеко. Но почему-то он решил, что они летят сюда, к ним, к людям… Он потряс головой, боль проходила.

Внезапно на полу под столиком зазвонил армейский полевой телефон. Боец поднял трубку.

– Верх слушает. – Потом протянул трубку Ростику. – Это вас.

– Гринев у телефона.

Снизу сквозь треск раздался уверенный, но какой-то не вполне настоящий голос Рымолова.

– Говорит Председатель. Что, Гринев, сориентировался?

– Вы о восходящих токах горячего воздуха?

– О них. – Рымолов тяжело подышал в трубку. – Мы следили за этим местом почти месяц, не подвозят они туда торфа. Даже деревья на дрова не спиливают. А тепло вырабатывают. Тепло, энергия – один из коренных факторов выживания. Понимаешь меня?

– Понимаю, – сказал Ростик и подумал, что теперь ясно, кто приехал в обсерваторию. Наверняка машина была еще райкомская, только переделанная под спиртовое топливо.

– В общем, ты посмотри там еще… А завтра отправляйся с утра на аэродром. Тебя будет ждать твой приятель Ким. Задание такое – подобраться как можно ближе и узнать, чем же они так здорово свои котелки греют? Нет ли у них там нефти или еще какой-нибудь пригодной для нас субстанции? – Лишь эти слова, произнесенные в не совсем обычном для Рымолова тоне, выдавали его напряженность от разговора с Ростиком.

– Понимаю, Арсеньич.

– Да, и вот еще что. Если получится, сделайте все незаметно. Чтобы они не поняли, что за ними следят. Вытащить вас из плена, если у вас что-то провалится, мы не сумеем. Уж очень это глубоко на их территории произойдет.

– Тоже понимаю.

– Но если сумеешь, – продолжал уже совсем упавшим тоном Председатель, – все-таки достань образец того, чем они там оперируют. Неважно, что бы это ни было – нефть, сланцы, какой-нибудь особенный морской торф… Хотя в это я не верю.

– Попробую.

– Вот так, Гринев. – Председатель помолчал. Потом все-таки добавил: – Ну, удачи тебе, разведчик. Боюсь, дело безнадежное, потому тебя и посылаю. Без этого теперь, когда мы потеряли торфоразработки, вообще хана.

– Сделаю, что смогу.

– Ты уж постарайся. – Возникла тяжелая, долгая пауза. Потом Рымолов вздохнул и опустил свою трубку на рычаги.

– Полетите туда? – спросила Сонечка.

– Как ты догадалась? – вопросом на вопрос ответил Рост.

– Это нетрудно. Я догадалась, еще когда утром узнала, что вы к нам заглянете.

– Да, оказывается, существуют на свете более трудные задания, чем спуск с вашей гондолы. Кстати, откуда он говорил?

– У них внизу два аппарата – один сразу под нами, вы с него первый раз говорили. А второй – в кабинете Перегуды. Скорее всего, Председатель сидел там.

– Ясно. Ну, ребята, давайте ваши лямки, пожалуй, мне пора. Здесь я все уже выяснил.

Он был так задумчив, что даже не заметил, как спустился на землю. Да и спуск совершился быстрее, чем подъем. Или в самом деле, по сравнению с тем, что ему предстояло, этот спуск был совсем плевым делом?

Часть вторая
Зеркала без отражения

Глава 7

Ким оказался таким же, как раньше, да не совсем. Он погрузнел, в нем появилась какая-то плавность, а малоподвижное лицо стало еще более невыразительным. Кроме того, у него начали светлеть глаза. Это было невероятно – карие глаза стали приближаться к ореховому цвету, на что Рост и обратил внимание.

– Ты чего, – спросил он у друга, – совсем уже оевропеился? Даже глаза светлеют?

Ким блеснул на миг очень белыми зубами.

– Как скажет господина… Скажет европеися, буду европеися. Как господина скажет бедному кореися.

За такие шутки Ростик его в прежние годы поколачивал, но сейчас было как-то не с руки. Все-таки почти год не виделись, хотя новости друг о друге старались узнать раньше, чем все остальные.

Рост обнял его, потом хлопнул по черным завиткам на макушке, это был жест, знакомый обоим чуть не с младенческой поры. За это Ким стукнул Ростика по брюху.

– У тебя, часом, не водянка? Какой-то ты стал… пухленький.

– Я хотел тебе то же самое сказать.

Одноногий Серегин, который, несмотря на каменную, суровую физиономию, все отлично понимал, тем не менее спросил с выраженным сарказмом:

– Встреча друзей закончена? Может, за дело примемся?

Ким еще раз хлопнул Ростика по заду, без комментариев обозначая еще одно место, где у него прибавилось, потом кивнул.

– Примемся. Рост, какое у нас задание?

Ростик рассказал, показывая на карте примерные сектора, которые он увидел в подзорную трубу. Ким опечалился.

– Вот ведь зараза! – Про себя Ростик отметил, что раньше Ким, кажется, так не ругался. – И ведь поднимался я выше всех этих шариков раз тысячу, а заметили они.

– У тебя не было подзорной трубы, – отозвался Серегин.

– Ну и что? Мог бы догадаться и поставить.

– Тебе бы вибрация не дала, – высказался Рост. – Там, наверху, когда машина слишком близко проезжает, и то изображение начинает дрожать.

– Слышали мы об этой машине, – отозвался Серегин. – Говорят, что ходит на спиртовом топливе пополам с растительным маслом каких-то семян. Еще говорят – обкатка, то да се… А топливо, чтобы в Одессу сгонять, отливают по каплям.

– А то и вовсе нас гоняют, – вздохнул Ким.

– Тебя не гонять, ты, поди, сам и не попросишь? – спросил Рост.

– Наоборот, – отозвался Серегин. – Дальние земли обследовать – у них кубиков не хватает. А в Одессу сортирную бумагу везти в виде распоряжений – срочно да немедленно.

Рост подумал.

– Да, это верно. Обследование как-то остановилось. А это зря, тут ты прав.

– Еще бы, – кивнул и Ким. На миг стало видно, сколько рапортов с просьбой об этих дальних полетах он подавал, сколько отказов получил. – Хорошо… хоть сейчас смотаемся дальше обычного. Давай обсудим, как думаешь подбираться к этим горкам?

– Это не горки, – отозвался Рост, снова обращаясь к карте. – Скорее столбы. И на той, что дальше от марева, следует залечь, замаскироваться, а потом… Смотреть.

– Почему не на ближней к объекту?

– На ближней нет растительности. Кроме того, ее посещают летучие страусы. Подозреваю, что они могут поднять переполох, тогда наблюдения не получится. Да и пернатики, если мы обозначимся, начнут приглядывать за округой внимательнее. Понимаешь, у нас есть только один шанс, не больше.

– У вас еще такой шанс, – ворчливо отозвался Серегин, – если обнаружат, то кончат в момент. Одной лодкой вы от всей их стаи не отобьетесь. И помочь никто не сумеет.

– Верно, – согласился Ростик. – Поэтому я думаю, что заходить на столб нужно в темноте. Очень тихо, чтобы никто из их наблюдателей не трехнулся. И лучше, если под утро.

– А заходить ты хочешь как-то по-особенному? – спросил Ким.

– Я думаю, у нас есть два пути. Давай подумаем над обоими. Первый. Мы можем подойти к этому столбу со стороны полей, но придется пересечь всю пернатую обитаемую территорию…

– Вообще-то территория не бывает пернатой, – тихо отозвался Ким, не мог не поправить.

– Второе. Мы можем зайти со стороны моря. Это значит, что будет труднее. Потому что нам точно известно – берег свой они наблюдают довольно плотно, хотя судоходства у них нет. Это доказано.

– Я тоже слышал, – кивнул Ким. – Хотя участвовал только раз.

– Вместе участвовали, – согласился Ростик. – И было это тогда впервые. К счастью, отбились. Должно быть, повезло. Они сами не дали поглубже на их территорию залезть, а не то… Да, вот еще, с моря труднее будет ориентироваться, вообще можно проскочить нужное место.

– И в носу ковырять – можно палец сломать, – отозвался Серегин, – если не умеючи. Потому вас и посылают, соколики, что не должны вы промахнуться.

– А уходить как будем? – спросил Ким.

– Уходить можно напрямую, – сказал Рост. – Они вряд ли так наивны, что не догадаются, кто и зачем к ним пробрался. Но ведь поделать уже ничего будет нельзя.

Он и не подозревал, что эта его фраза приведет едва ли не к самой большой ошибке во всей операции. Он полагал, что они летят только посмотреть и потому пернатым будет легко их простить, если обойдется без стрельбы. Он не думал, что дело повернется совсем не так, и не без стрельбы. Но Ким уже запомнил эту сентенцию и, привыкнув доверять Ростику, поступит так, как поступать нельзя.

Ким принялся циркулем, вырезанным из деревяшек, отмерять расстояния.

– Если зайти с севера, потом срезать вот тут, – его циркуль пробил морские просторы ломаными прямыми, – потом строго на юг, чтобы не сбиться, как справедливо было замечено, потом вернуться… – Он помолчал. – М-да, получится почти тысяча километров. А значит, топлива нужно взять…

– Бери под завязку, – отозвался Серегин. – Мало ли что? И патронов вам я дам, сколько захотите.

– Тебе дай волю, – сказал Ким, – ты бы нас и бомбами снарядил.

– Бомбами – нет, они тяжелые очень.

– Бомбы? – спросил Рост.

– Горшки, начиненные аммиачной ватой, – махнул рукой Серегин. – Больше хлопают, чем взрываются.

– Ничего себе хлопают! – запротестовал Ким. – При удачном попадании дом Гошодов из лучшего их камня слизывает как языком, а ему все мало!

– Я не знал о таких испытаниях, – отозвался Рост. – А зачем дом триффидов бомбить?

– Прочнее просто ничего не нашли, – сказал Ким. Потом улыбнулся. – Ты не волнуйся, никто с твоими драгоценными кустиками воевать не собирается.

– Что у нас со временем? – спросил Серегин.

– Если лететь по тому маршруту, что наметился, то есть через море, то выходить нам нужно… Да, часа за три до темноты. Если не заблудимся, то через десять часов, самое позднее, будем на месте, а это… Час до рассвета.

– Хорошо считаешь, – сказал Рост. – Убедительно.

– Тогда, – в голосе Серегина появились приказные нотки, – до обеда спать. Машину я приготовлю. Если нет возражений, то Безголовую.

– Кого? – не понял Рост.

– Есть у нас очень легкая леталка, – пояснил Ким, – всего на четыре души, ходкая, хотя и любит нос задирать, а тогда хвост тормозит… У нее нет башенки на горбу, это позволяет километров семь в час прибавить.

– Башенки нет? А если за нами погонятся?

– Тогда перейдешь к Винторуку и будешь из кормовых пушек палить. Может, и отобьемся.

Раз имелись кормовые пушки, Ростику стало полегче.

– Вот что, – решил Серегин, – положу-ка я вас в разных казармах, а то проболтаете до самой побудки.

Так и вышло, хотя Ким и попытался немного протестовать. Но ничего не получилось, чтобы остудить его, Серегин даже часового поставил у комнаты, где уложил Кима, а потом, подумав, выставил солдатика у двери темной, хорошо проветриваемой кладовки, куда уложил спать Ростика. Как позже Рост узнал, конечно, это была не кладовка, а комната самого Серегина. Которой, кстати, он почти не пользовался – дневал и ночевал то в ангарах, то на полетной вышке.

Потом их разбудили. Они умылись, наспех проглотили отличный, приготовленный по летным нормам обед и поднялись в воздух.

Небо были чистым, как родниковая вода. Вот только не совсем летним, не пыльным еще, а с какой-то очень свежей сероватой дымкой. Лететь в таком небе было приятнее, чем гулять по лугу или купаться в море.

Конечно, Ким заставил Ростика поуправлять лодкой, похвалил за силу, которая в нем появилась, потом сам взял управление и побил рекорды Ростика почти в полтора раза. Потом они пролетели мимо Одессы, а примерно через час после этого выключилось Солнце. Ростик в темноте увидел огоньки города, который они с ребятами некогда открыли и который стал едва ли не самым главным успехом их трехлетней тут истории. Но довольно скоро и эти огоньки растаяли в тумане, поднявшемся над водой.

Этот туман вообще оказался штукой неприятной, главным образом потому, что на него никто не рассчитывал – ни Рост, ни Ким, что было еще существеннее. Оказалось, он и лодку тормозит, и ориентацию сбивает, и обшивка от него намокает. От этого Ким работал на своих рычагах, как грузчик, и довольно быстро стало понятно, что пухлость его тела – отнюдь не жир, а, наоборот, – мускулы, причем такой силы, что Ростику стало завидно.

А потом они вывалились из тумана, и по каким-то одному богу известным признакам Ким определил, что они оставили залив позади и идут теперь над океаном. Чтобы передохнуть, Ким бросил управление на Ростика, и новоявленному второму пилоту пришлось держать машину в черной, почти непроглядной тьме часа два, пока его узкоглазый друг восстанавливался.

Потом, разумеется, все кончилось тем, что Ким уже и не хотел брать рычаги, утверждал, что у Роста все отлично получается, что они и так дойдут, но шутки кончились, когда

Ростик от усталости чуть не «выронил» рычаги на неожиданном скачке напряжения, неизвестно почему возникшем в котле. Или это был «провал гравитации», нечто, понятное только очень опытным пилотам.

Правда, была еще вероятность, что они проскочили очень маленький шквалик. В Полдневье, в котором по разным причинам почти не бывало ветра, иногда возникали настоящие шквалы… Ни Ростик, ни Ким, ни даже Винт, который знал об окружающем мире больше всех, не стали даже гадать, отчего это получается. Потому что причиной могло послужить что угодно. Даже воздушный червяк, который попытался атаковать их лодку, но промахнулся, хотя это и звучит сомнительно – чтобы червяк, да вдруг промахнулся…

Это могло быть нечто, еще не встречавшееся ранее, а потому и неизвестное людям Полдневья. Могло оказаться и что-то уже случавшееся, но все-таки неясное, потому что лодки… пропадали. За последний год, как сказал Ким, четыре лодки вышли из исходной точки, но до места назначения не добрались. А обломки нашли только от одной из них. Что случилось с ними – неизвестно. Черных ящиков тут, конечно, не было – не та техника, не та технология.

Потом они дошли до точки поворота на юг. Ростик даже посерьезнел. Момент в самом деле был решающий. Если все получится, они пересекут береговую линию, найдут выбранный столб и «залягут» в наблюдение. Если они ошибутся, наделают шуму, за ними погонятся и собьют, как мишень для упражнений в меткости.

Берег встретил их молчанием, они пересекли фронт воды на высоте метров в триста, двигаясь со скоростью едва ли двадцать километров в час. Медленнее было уже неразумно, а быстрее – возникал какой-никакой, а шум. Потом прошлись над тем местом, где Ким подозревал их гору. Ничего похожего поблизости видно не было… Впрочем, тут вообще ничего видно не было. Но Рост знал, как с этим справиться. Он прошел вперед, встал у котла и пояснил:

– Винт, дай-ка я покручу экватор, а ты позыркай по сторонам своими глазищами… Нам нужна столбовая гора с кустами наверху.

Винторук очень тихо порычал, передал пост на котле человеку и просунулся в пилотскую кабину между котлом и верхней обшивкой. Обычно тут находилась кабина стрелка, но в этой лодке оставалось сантиметров тридцать пространства. И чтобы тут мог протиснуться мохнатый бакумур?.. Этого Рост даже не подозревал. Впрочем, мех на теле этих типов визуально увеличивал объем, на самом деле они могли оказаться не толще иных людей.

– Что видишь, Винт? – спросил Ким.

Винторук вдруг крякнул и едва слышно стал что-то уверенно лопотать.

А у Ростика появились свои проблемы. Сначала он никак не мог разглядеть лунки, куда полагалось вставлять топливные таблетки, а на ощупь у него выходило не очень хорошо. Потом дело вроде бы пошло, хотя Ким спереди пару раз и потребовал, чтобы Рост работал шустрее. Потом стало очень тяжело, потому что следовало поддерживать довольно напряженный ритм и малейшие ошибки грозили травмой – то пальцы можно было отбить ребрами вращающегося экватора, то закованный в металл локоть стукался о шпангоут лодки, и тогда возникал таинственный гул, как внутри глуховатого колокола, что грозило уже тревогой в стане пернатых…

Потом их лодка довольно неаккуратно плюхнулась на что-то твердое, под полозьями заскрипели мелкие камешки, и Рост почти физически ощутил, как нагрузка на котел упала. Вокруг не улавливалось ни единого звука тревоги, волнения, опасности.

Рост высунул голову в задний люк, устроенный между кормовыми блинами, как до этого, видимо, делал Винторук, прислушался к внешним звукам, потом вылез наружу. Ветер показался ему сначала очень свежим и непривычным, потом Рост сообразил, что сказывается недалекий океан, и вдруг он разобрал запах… Чуждый, неприятный, отдаленно похожий на тот, который издает курица, намокшая под дождем.

Около него оказался Ким. Он шепотом спросил:

– Винт утверждает, что это ближайший к их городу столб с большими кустами. Кажется, не совсем тот, что имел в виду ты, но, по его заверениям, тут будет лучше.

– Город… пернатых?

– У них тут город, только вы его с шара не увидели, он то ли деревьями закрыт, то ли холмами.

– И отсюда их город виден? – еще раз спросил Ростик.

– Винт говорит, что отсюда – нет. Но если спуститься чуть ниже, залечь в каких-то кустах, то увидеть можно.

– Ладно. Давай замаскируем лодку.

– Уже, господин начальник, – так же шепотом, совершенно серьезно по тону ответствовал Ким. – Винт ищет, где можно проредить нижние ветки кустиков, чтобы затащить под них лодку.

– Такие высокие?

– Кустики тут, товарищ-господин командир, высотой с наше хорошее дерево, так что с этим проблем не будет.

Рост подумал.

– Слушай, что это ты насчет моего «господинства» все время проходишься. Тебе мое лейтенантское звание покоя не дает?

– Я ведь и сам лейтенант, – отозвался Ким.

– Я не знал, – признался Рост. – Поздравляю. Тогда что?

– Не знаю. Понимаешь, я страшно рад тебя видеть, но… Как-то непривычно, что не я командую, а кто-то другой.

– Ты давай, брат, с этим борись, – серьезно проговорил Рост. – Если уж мы с тобой не договоримся, тогда кто вообще сможет?

– Согласен, – вздохнул Ким. – Не волнуйся, это просто гонор дурацкий. Скоро выветрится. Как только ситуация станет безвыходной, так и выветрится. Я ведь помню, что ты лучше меня рассчитываешь действия.

– Ну вот, опять.

– Нет, я серьезно.

Тут вернулся Винторук, и разногласия кончились. Нужно было прятать лодку, разбивать и маскировать лагерь, находить место для наблюдения за пернатыми. Рост надеялся, что этот разговор не возобновится, даже в таком вот неагрессивном виде он был нелегким. Потому что у них была не та ситуация, чтобы отвлекаться на внутренние передряги. И не то место.

Глава 8

– Когда-нибудь это назовут «великое сиденье на каменном столбе», – сказал Ким, усаживаясь рядом с Ростиком и подсовывая ему миску с какой-то отвратительной массой, состоящей, кажется, из сладкой каши, прогорклого масла, жесткой вяленой рыбы и неизменных корешков, которую приготовил им на обед Винторук, возведенный на эти несколько дней в ранг повара.

Рост покосился на свой обед, отдающий запахом несвежих портянок, и вздохнул.

– Может, стоит объяснить Винту, чтобы он не так серьезно относился к стряпне?

– Если привыкнуть, то в этой стряпне действительно все очень полезное и нужное организму, – ответил Ким, который, как Эдик Сурданян, иногда нарушал все мыслимые нормы русского языка. Что было тем более заметно при его любви поправлять других.

– А если не привыкнуть, то это месиво – ужасная отрава. Не говоря уж о вкусе.

Ким забрал бинокль Ростика и принялся изучать окрестности, хотя каждый камень осматривал, наверное, тысячу раз.

Дежурства они разбили очень просто. Рост менялся с Кимом в течение дня. А Винторук, который тоже немного маялся бездельем, должен был следить за пернатыми по ночам. Для этой цели он тоже просил бинокль, но как подозревал Ростик, скорее спал на своих дежурствах, чем действительно приглядывал за бегимлеси. Волосатому это совершенно ничем не грозило, потому что поймать его на нарушении приказа Ростик не мог – Винт всегда просыпался раньше, чем Росту удавалось к нему подкрасться. Да еще он, наверное, потешался, глядя в темноте своими огромными глазищами, как этот человечек, полуслепой и на три четверти глухой – с точки зрения бакумуров – пытается застукать его спящим на посту.

– Может, тебя подменить? – спросил Ким. – Ты это к тому, что ничего не происходит? Нет, не надо. Я еще не устал.

– А я и не заметил, что у них на соляных заливах забастовка.

Соляными заливами назывались три или четыре неглубокие ямки на самом берегу моря, куда пернатые пускали воду, потом перегораживали их и ждали, пока сделает свое дело Солнце, чтобы аккуратно собрать совочками полученную соль. Причем этим, как правило, занимались девушки, как их пренебрежительно величал Ким, – «курицы». Перед заключительной стадией сборов они танцевали и так пронзительно пели, что даже на скале, отстоящей от заливчиков километра на четыре, были слышны особенно удачные вскрики и трели.

Пернатые вообще здорово любили повеселиться и потанцевать. Особенно радовало кружение в хороводе нескольких сот пернатиков, когда каждый удерживал руками плечи соседа, как на Земле танцуют шотландцы, гуцулы и некоторые кавказцы.

– Это не забастовка, просто они очень много соли собрали за последнюю неделю, вот и решили передохнуть. Все равно больше, чем им нужно.

– И зачем им соль? Они ее почти не едят. Я обращал внимание – очень редко.

– Пока не знаю. Кстати, как ты выяснял, что их хозяйки готовят?

– Я не за отдельными хозяйками следил, а только за поваром на больших сборищах. Но там – не захочешь, а увидишь.

Тоже верно. Пернатые больше всего на свете любили обряд, который Рост назвал свадьбой. Это происходило при большом скоплении народа, причем треть приходила из соседних городков. Угощение бывало куда как щедрое, пили не только воду, но и что-то, что заставляло хмелеть самых сильных мужчин, а потом танцевали так, что это скорее походило на оргию, чем на праздник.

Свадьбы случались часто по той причине, что местные девицы очень любили выходить замуж. Они выходили, через некоторое время, по-видимому, разводились, потом подыски-

вали другого «петушка»… У Кима сложилось впечатление, что девицы определенного возраста только и делали, что готовили еду, коллекционировали мужей да рожали детей, которые почти без «высиживания» в течение всего одного дня вылуплялись из очень слабой, прозрачной скорлупы. Так что пернатиков следовало скорее отнести к живородящим, чем к яйценесущим.

И никто не чинил им преград, никто не обижал их и, разумеется, даже не пытался поработить таким понятием, как долговременные брачные обязанности. Как правило, детей воспитывали матроны постарше, которым мужей уже не находилось. А мальчишек с определенного возраста «образовывали» мужчины.

Вот пернатые мужички были народом, не в пример женщинам, солидным. Они обучались бою, растили какие-то злаки, пасли стада разных животных, из которых добывали местное молоко, и, разумеется, охраняли свой город. Причем, если девицы бродили по этим землям где вздумается, то приход мужчины не в свою стаю грозил ему как минимум скандалом.

– А знаешь, в общем-то у них неплохая жизнь. Вот только попутешествовать от души их петушкам не удается, а так – вполне, – высказался Ким, как в детстве, думая заодно с Ростом.

– Для многих путешествия не являются большой ценностью. К тому же гарем с собой не потащишь, а это для их парней – главная забота.

– Да, с семейственностью у них – не в пользу мужиков сложилось.

– Ты осторожнее биноклем крути, – отозвался Ростик. – Не дай бог, линзами засверкаешь, тогда каюк нам, и не поймем, когда прокололись.

Наблюдение означало ту опасность, что можно было выдать себя, блеснув стекляшками бинокля. Чтобы этого не получилось, Ростик сначала попробовал навешивать сверху и перед линзами тонкую марлю, выкрашенную в серый цвет, но она очень уж затемняла поле зрения. Тогда он попытался создать почти непроницаемый занавес из кустов над собой и по бокам, наблюдая за городом в щелку между листьями. Но высматривание в узком секторе, когда они не знали, что ищут, никого не устраивало. В общем, нужно было рисковать, хотя, как сказал как-то Ким, – «с неудовольствием».

– На, смотри дальше, – отозвался Ким и вернул бинокль. – Но когда начнется, позови. Я тоже хочу посмотреть, ради чего мы тут сидели.

Просматривать город оказалось нетрудно, потому что он создавал очень уж странную картину. По сути, конечно, это был не совсем город. С человеческой точки зрения он походил на кучу гнезд, расположенных на земле, поскольку бегимлеси летать не умели. А вот уже между ними были устроены из ветвей мостики, переходы и довольно большие площадки, часто высоко поднятые над землей. Этот многоярусный мирок, по-видимому, должен был создавать иллюзию парения и компенсировать утраченное пернатыми искусство полета.

Еще эти находящиеся на земле «дома» приводили на ум раскопки доисторического города, потому что состояли из стен, плетней, загородочек, но были напрочь лишены крыш. Так что при желании каждая девица могла определить, что на ужин своему мужу варит соседка.

Огнем пернатики пользовались очень уверенно, даже можно сказать – с азартом. Иная хозяйка и огонь под таганами зажигала не иначе как выстреливая каким-то определенным образом из легкого пистолетика мужа. Ростик сначала думал, что именно огни и очаги города создали тот колышущийся тепловой фон, который засекли из наблюдательного шара Боец с Сонечкой. Но потом отказался от своей идеи. И вот почему.

По понятным причинам больше всего таганков с хворостом или даже древесным углем горело холодными ночами. А марево над городом не возникало. Получалось, что даже пре-

дельной теплотворной мощности города не хватало, чтобы устроить то, что он видел с шара. Поэтому приходилось ждать, ждать…

Они уже две недели ждали, даже слегка отчаялись, но продолжали наблюдать. Про себя Ростик знал, что причину того явления, на которое они устроили засаду, они выяснят обязательно, потому что для человечества это обернется настоящим открытием. Но вот терпеть безделье было в самом деле нелегко. Скоро и июль должен был наступить, а у них по-прежнему не было никакого результата.

Вдруг, незадолго до полудня и в тот самый день, когда закончилась вторая неделя их сидения, в городе возникла необычная возня – очень много старцев собралось на главной площади города, потом к ним присоединились старухи. Это были не простые старухи, а такие, которые носили, как и постаревшие воины, особенные блестящие щитки на груди.

Рост как-то подумал, что это были те «курицы», которые в свое время служили в армии, то есть относились к служивому сословию. Судя по всему, никаких запретов на вступление девиц в армию не было, и если «дева» шла служить, это обеспечивало ей более высокий социальный статус, к тому же с потенциальными мужьями проблем не возникало. Но как понял Ростик, «в отставку» они выходили позже, чем прекращали свои свадьбы «родительницы», и потом маялись, бедные, в стариковских казармах или принимались дрессировать молодняк, да так, что и не всякие вожди решались с ними спорить.

Итак, процессия, состоящая целиком из «служивых», вышла из города и потащилась куда-то на северо-запад, к морю, в сторону мелких, ослепительно белых, по-видимому, известковых скал. У подножия этих скальных возвышений Рост давно, еще на второй вечер, обнаружил странное сооружение, окруженное как-то слепленным песком и прикрытое травяными циновками. Сейчас Росту предстояло узнать, чем оно являлось в действии.

Подойдя к непонятному строению, пернатые выдвинули из своих рядов ряд одетых в темно-серые хламиды сородичей, которые не только двигались как-то иначе, чем остальные, но и были лишены каких-либо блестящих побрякушек, которые пернатики так любили. Сначала Рост принял этих серых за рабов, уж очень они были невыразительны, и лишь позже, день на пятый, по формам почтения, которые им оказывали стар и млад, понял, что, наоборот, – если у них и есть формальные гражданские, а не военные вожди, это были именно птицелюди в сером.

На этот раз серые пернатики стали отодвигать циновки, распевая, очевидно, какие-то гимны, остальные построились в кольцо и стали танцевать, поднимая когтистыми лапами тучи песка. Когда последняя циновка отпала в сторону, Ростик ахнул.

Под укрытием находились перевернутые вверх углублением очень большие антигравитационные блины. И было их много. Зато котел оказался один, и был он тоже не вполне привычной формы – плоский, даже чечевицеобразный, с очень широким экватором. Чтобы не ошибиться в своих оценках, Рост позвал Кима, и спец по полетам и антигравитационным лодкам подтвердил замеченные Ростиком нарушения привычных людям пропорций.

Тем временем серые соорудили вокруг одного из блинов, не самого большого, невысокий бортик из какого-то прозрачно-сверкающего материала. Потом поставили двенадцать пернатиков из числа не очень старых на котел и стали его раскочегаривать, проложив легкие, передвижные шины антигравитации прямо по песку к выбранному блину. Эту операцию Ким прокомментировал так:

– Надо же, а мы считали, что любая складочка на этих шинах способна испортить всю картину… А эти – ничего не боятся, как с проволочной головоломкой обращаются, и хоть бы хны.

– Может, у них поле другой формы?

– Какой? – подозрительно спросил Ким. – Что ты знаешь о гравитационных полях и их формах?

– Ничего, – признался Рост. – Просто предположил.

– А почему предположил? – Ким помолчал. – Ты свои предположения тоже объясняй, они у тебя просто так не случаются.

– Сам понимаешь, другая форма блинов, другое предназначение… Явно что-то в этих полях возникает в другом виде.

Внезапно рядом что-то проворчал Винторук. Как оказалось, он проснулся после ночного дежурства и утренней готовки еды и присоединился к наблюдателям. Только ему, в отличие от людей, никакие бинокли были не нужны, с его-то глазами он все видел и без оптики. И по всей видимости, соглашался с Ростом.

Наконец печка раскочегарилась, из котла даже стал вырываться какой-то довольно горячий выхлоп, хотя, конечно, до настоящего тепла, которое можно было бы увидеть из Боловска, ему было далеко. Но тут вдруг серые ребята – а в сером были одни петушки – вытащили огромное параболическое зеркало. Потом легкими, какими-то играющими движениями установили в его фокус открытый котел объемом не больше литра и принялись бросать в него длинными щипцами кусочки металла.

Насколько мог судить Рост, это был обыкновенный металл, чистые, без примесей, шрапнелины из морских раковин. И они практически сразу, едва попав в эту емкость, начинали таять…

– Ничего не понимаю, – отозвался Ким, когда подошла его очередь разглядывать непонятное мероприятие в бинокль. – Почему, как, зачем?!

– Не кричи, – попросил Рост. – Почему – понятно. Свет от этого зеркала сходится на котелке, вот металл и плавится. Там, наверное, температура за полторы тысячи, а может, еще больше. Помнишь, Пестель говорил, что у градин температура плавления чуть больше, чем у нашей нормальной стали?

– Не помню. Но тогда – для чего?

Вдруг из котелка накопленный жидкий уже металл вытек… Ростик не успел понять на таком расстоянии – то ли кто-то из жрецов опрокинул котел, дернув невидимый рычаг, то ли металл сам перевесил и вылился, сработав как запрограммированный переливной датчик времени, как было у греков на иных клепсидрах.

– Дай бинокль. – Он почти вырвал его из рук Кима, это вышло грубо, но сейчас было не до галантерейностей…

Вместо того чтобы упасть, перелившийся металл вдруг застыл непонятным каскадом в воздухе, а потом все вернее стал растекаться над гравитационным блином сверкающим, тончайшим куполом… И этот купол не оседал вниз, не падал, а висел, все надежнее – так показалось Ростику – размазываясь по невидимой, но реальной антигравитационной опоре. Ким взволнованным голосом пояснил:

– Надо же, как ловко вылили сбоку, а растеклось повсюду.

– Точно, – согласился Ростик. – Потому что гравитационное поле тут однородно, для него это все равно что в лунку скатиться.

Вдруг – опять вдруг, как почти все, что происходило в этом странном ритуале, – отвалилась крышка другого котла, который, как оказалось, подогревался десятком вогнутых зеркал чуть в стороне. Было даже странно – почему ни Рост, ни Ким это устройство не заметили раньше… Должно быть, они слишком внимательно следили за жрецами, а работу по соседству провернул кто-то менее заметный, вот и получилось…

Впрочем, это была небольшая потеря. Какие-то старцы с блестящими шлемами на головах одновременно открыли заслонки еще трех очень горячо прогретых котлов, и из них стало вытекать… Жидкое стекло. Оно залило короткие, проложенные к краю антигравитационного блина желобки, потекло, как не очень густой, наваристый кисель, и… Накрыло

металлическую параболу. Тогда-то от всей этой выпуклой поверхности ударил в небо, строго вверх, какой-то тяжелый, густой, заметный в воздухе пар.

– Так, – вырвалось у Ростика. – Теперь понятно, почему ребята на шаре заметили это облако.

– Именно облако, – согласился Ким, – а не марево… Трудно не заметить. Но почему оно получается?

– Это пар. Стеклянный пар. И выбрасывается он вверх не только потому, что пар всегда взлетает, а еще и оттого, что его горячие молекулы выбивает антигравитационный блин… Понимаешь, получается как бы схема двойного кипения.

– Понимаю. А металл все равно остается внизу, – выдвинул предположение Ким. – Ведь он легче…

– Или тяжелее?.. Если он остается с внутренней стороны, то антиграв его не выбивает наверх, значит, он все-таки тяжелее, хотя бы ненамного… – задумался Ростик. – Да, тут есть какая-то тайна. Нам придется ее выяснить.

– Пусть инженеры думают, – предложил Ким. – Они для того и умеют всякие процессы рассчитывать и знают больше нашего.

Внезапно экватор котла двенадцать отборных вояк пустили катиться по инерции, а сами подняли руки вверх и торжествующе что-то закричали. Закричали и все пернатые, стоящие до этого очень тихо. Пернатики, крутившие экватор, снова взялись за работу, но уже чуть медленнее, не так напряженно и тяжело.

Перевернутое вверх выпуклой стороной параболическое зеркало стало матовым. Ростик понял, что это означает – последние, самые горячие верхние слои стекла застыли. И хотя вся конструкция еще не стала жесткой, но окончательную форму уже приняла.

Спустя полчаса жрецы в сером сняли готовое зеркало с гравитационного станка. За это время к внешней поверхности были приклеены – другое слово было бы неправильным – довольно крепкие на вид стеклянные рукоятки, или массивные проушины, за которые зеркало можно было таскать как угодно.

Потом его передали старым воякам, которые осторожно, распевая какие-то песенки, потащили его в тот самый северо-западный угол города, который Ростик отметил, но не смог распознать до этого утра. Теперь он понял – в замеченной им выгородке хранили изготовленные ранее зеркала, перевернутые вверх днищем.

– Интересно, – спросил Ростик, – для кого они так трудолюбиво работают?

Об ответе он мог только догадываться. Но не сомневался, что со временем обязательно его получит. Не мог не получить. Все шло к тому, что такие мелкие загадки Полдневья они уже научились разгадывать почти без потерь.

Глава 9

Огни в городе пернатых погасли, когда Ростик еще и выспаться не успел. Он так и не узнал бы об этом, если бы Ким его по-товарищески не разбудил особенно зловещим шепотом:

– Все стихло, командир.

Рост сразу схватился за ружье, потом опомнился.

– Что? – Помолчали. – Ты что сказал?

– Что все стихло.

Рост рассердился.

– За такие штучки, косоглазый, по шее дают.

– Это не штучки. Я тоже решил выспаться и предупреждаю тебя об этом.

– Ты что, не мог волосатика на стреме оставить?

– Ему тоже придется выспаться. Так что для дежурства только ты и остаешься.

Ростик прикинул комбинацию, вспомнил об их плане и согласно кивнул. Ким, что ни говори, был прав. С этим приходилось считаться. И весьма.

Рост потянулся, умылся из фляги остатками воды, которая протухла еще неделю назад, мельком подумал, что пора, используя свои командирские возможности, завести не солдатскую алюминиевую флягу, а нормальную, из местной нержавейки, в которой вода никогда не портится, напился из общего котелка, в котором вода осталась относительно свежей, хотя и была все время теплой, как в чайнике, и сел следить за противником.

Как Ким и отметил, в городе пернатых все стихло. Только изредка где-то кудахтали большие, размером с приличную собаку, птицы, которых бегимлеси использовали в пищу. Сначала Ростику казалось, что это как-то не по-людски, есть почти таких же, каким являешься сам, потом он вспомнил, что люди едят кроликов, коров и даже лошадей, и успокоился. Это было как раз вполне по-людски.

Когда погасли последние огоньки, где-то совсем недалеко от стен города, но все-таки не в нем, стали перекликаться постовые. У них голоса делались все более невнятными и усталыми, невнятными и усталыми, невнятными… Рост очнулся, когда понял, что мирное высиживание на одном месте сморило его, как последнего новобранца. Он встал, отжался на кулаках, как его научил старшина Квадратный, пробежался на месте, потому что бегать всерьез по этим кустам было некуда, да и слишком шумно, и снова сел смотреть на город.

На этот раз, чтобы не уснуть, он попытался представить, как этот город называется на языке пернатиков, как он будет называться, когда они помирятся с людьми, как его будут называть люди… Ничего не придумав и опять едва не уснув, Рост попробовал выяснить по часам на приборной доске их гравилета, сколько времени. Стрелки их приборов были вымазаны каким-то фосфоресцирующим раствором, поэтому светились даже в полной темноте. Вот только по сравнению с тем свечением, которого, как Ростик помнил, человечество добивалось на Земле, здешнее было слишком уж бледным, сине-зеленым, и его часто, по словам Кима, приходилось подновлять.

Часы указывали, что до рассвета осталось еще часов пять, если Рост правильно перевел шкалу сегодняшнего дня на временную поправку. Интересно, почему-то с раздражением подумал он, неужели нельзя было, сменив всякие привычные нормы времени, так же сменить и шкалы на часах? Неужели нельзя было осуществить такую, в общем-то, необходимую попытку приспособиться к Полдневью… Потом он вспомнил, что дело не в шкале, а в скорости хода маятников всех часов в городе, в зубчатой нарезке на шестеренках часов и лишь потом в шкалах, которые, впрочем, тоже очень трудно было бы совместить. В общем, с их нынешней техникой это было пока невозможно. Проще было пользоваться старыми,

земными часами, предлагая для каждого дня определенную поправку и пересчитывая показания по формулам.

После того как ему не удалось сообразить, как он будет пересчитывать время завтра, Ростик понял, что снова засыпает, и потому решил приниматься за дело сейчас. Иначе они не сумеют провернуть свое дельце сегодня, а ждать еще один день было и опасно, и глупо – у них подходила к концу вода, кончились консервы и давным-давно исчезли последние сухари. А питаться сушеным мясом и сухофруктами им уже надоело так, что хоть на Луну вой… Да, решил Рост, была бы тут Луна, непременно повыл бы.

Ким, как несколько часов назад сам Рост, поворчал, когда его будили, назвав Ростика почему-то «розовым пингвином», но потом напился воды и повеселел. Вот кто не очень хотел приниматься за дело – так это Винторук. Он ворчал, взрыкивал, один раз даже поскулил, но все-таки залез в лодку и принялся раскочегаривать котел. Ребята собрали вещи, потом по взаимному соглашению уничтожили все следы их постоя на верхушке скалы – вдруг еще придется пользоваться этим местом для наблюдения – и забрались в гравилет.

Посидели, привязываясь к креслам, пробуя ручки управления, оружие в кобурах, потом Ким прикрикнул назад:

– Винт, ты не особенно шуми котлом. Мягче, волосатый, мягче.

– А он может? – спросил Ростик.

– Он все может, если захочет. Таким мастером стал – любо посмотреть, если понимаешь, конечно.

Взлетели. Плавно, так что даже не зашелестела трава внизу, развернулись в сторону города, соскочили с каменного столба, который за последние дни успел, как оказалось, им уже надоесть. Без гула, лишь с едва слышным свистом прошлись над соседним леском, потом, определившись с положением по негромким указаниям Винта, двинули по широкой дуге вокруг города, к его северо-восточной оконечности.

Ким поупражнялся на рычагах, убрал свист воздуха, потом покачал машину, где-то грохнуло, он посоветовал Винту закрепить вещички получше, когда все стало надежно и тихо, словно в могиле, полетел вперед. Внезапно шепотом спросил:

– Рост, а если оно тяжелое? Их пернатые все-таки вшестером поднимают – эти литые блины. А пернатые знаешь какие здоровые?

– Это не блины, это параболические зеркала.

– Параболоиды?.. Так их и назовут в Боловске, вот увидишь.

– Назовут, если долетим.

– Долетим. Если стража не проснется… Ты не ответил.

– Возьмем Винта. Он один троих пернатых стоит. А за остальных троих – мы.

Ким помолчал, потом веско произнес:

– Его нельзя снимать с котла. Он должен оставаться на машине, чтобы взлететь можно было в любую секунду.

– Ты же не за рычагами будешь, так что в любую секунду все равно не получится.

– Вот я к тому и веду, – хмыкнул Ким. – Может, ты, как Самсон, в одиночку?

– Сострил, да? – Рост вздохнул. – И с такими вот… лопухами приходится покорять Полдневье… Детский сад.

Сзади рыкнул на очень низкой ноте Винторук. Ким посерьезнел.

– Так, прилетели. Поворачиваем.

Лодка под ними мягко, плавно качнулась. Первое время Росту казалось в этих антигравах, что он стоит на льду на ходулях, а к этим ходулям привязаны коньки, и ему нужно сдавать норматив ГТО… Потом он привык, но ощущение, что гравитационная волна вот-вот выскользнет из-под них и они грохнутся, как черепаха, брошенная орлом с поднебесья,

так и не прошло. Просто он привык перебарывать эти мысли, как привык справляться со многим другим.

Винт снова на миг оставил экватор котла, выглянул в окошко, в такой скорлупке длиннющему волосатику это было нетрудно. Прорычал:

– Птдсат.

– Что? – не понял Рост.

– Пятьдесят метров.

– В высоту или в длину?

– Откуда же я знаю? – удивился Ким.

Рост хотел было резонно, на его взгляд, спросить, как же тогда Ким ведет лодку и куда они в таком случае направляются, но не стал. Решил не нервировать пилота. Внезапно Ким проговорил, обращаясь к загребному:

– Винт, садимся внутри склада, ты это знаешь, верно?

Это было возможно, ведь крыш у местных зданий не было. Винт молчал так долго, что Рост стал прислушиваться, и лишь тогда волосатик сзади прошипел:

– Вс-а. Нз.

– Все, вниз, – перевел Ким. И стал очень плавно опускаться.

Потом стало ясно, что даже Винторук не совершенен. Он чуть было не приземлил их на штабель зеркал, но вовремя догадался посмотреть вниз, высунувшись наружу с транца их лодки, и заставил серией рыков и невнятных всхлипов развернуть лодку на месте. Зато когда они сели, до параболоидов пернатых было шагов пять, не больше. И в три раза больше до стены, где, по всей видимости, находились ворота, ведущие на склад.

– Порядок, – высказался Ким. – Рост, выскакиваем, хватаем пару зеркал, и дело в шляпе.

Они выскочили, без единого лишнего слова подхватили одно из зеркал за впаянные с обратной стороны толстые ручки, поддернули его для пробы… И стеклянная пластина вполне нормально повисла в воздухе. Она была легкой для своего размера, всего-то килограммов сто пятьдесят, решил Ростик, не больше. Если учесть, что он в последнее время только и делал, что не расставался с доспехами, и потому нагулял мускулы не хуже, чем у Квадратного, а Ким вообще на своих рычагах накачался, как штангист, то вес этот им дался без проблем.

Вот только очень трудно было затаскивать зеркала на спину лодки. А волочь их приходилось именно наверх, потому что как они ни прикидывали еще днем, когда обсуждали этот план, как ни выбирали самые маленькие зеркала, но таких, чтобы уместились между четырьмя антигравитационными блинами лодки, не нашли. А значит, подвешивать их снизу было невозможно, гравитационная неравномерность непременно поколола бы стекляшки – даже осколков не осталось бы, все улетели бы вниз.

В общем, они справились и с наваливанием зеркала на лодку, вот только на минуту все-таки пришлось пригласить Винта. Когда он втолкнул зеркало на крышу, его тут же услали в гравилет, на котел. Привязали одно зеркало, вроде получилось неплохо. Пошли за вторым. Ким сказал:

– А может, они не заметят? Может, все еще обойдется?

Он не верил, что их план удастся без осложнений. Да Ростик и сам не верил, но на всякий случай проговорил:

– Слушай, ночью у пернатых тяжело с вниманием. Так что…

– Тихо, – проговорил Ким.

Они умолкли, прислушиваясь, пытаясь смирить тяжелое от работы дыхание. Где-то очень близко заскрипели по песку когти какого-то пернатого стражника. Он что-то услышал и подошел ближе, чтобы понять, что его насторожило. Люди стояли, не двигаясь, минут

десять, прежде чем скрип возник снова, но на этот раз удалился. Погрузка второго зеркала была еще труднее, главным образом потому, что мешали ручки первого из погруженных зеркал, и пришлось Киму, как самому проворному, забираться наверх и уже не слезать, пока не привязали как следует и второе зеркало. Когда он спустился, Рост спросил его:

– Как думаешь, третью стекляшку твоя лодка поднимет?

– Лодка-то поднимет… Я бы поднял.

Пошли за третьим. Они сняли его со штабеля, почти дотащили до лодки, уже стали примеряться, как его получше вскинуть, но вдруг из котла Винторука вниз, под полозья, вырвался оглушительный и довольно яркий выхлоп. Ребята замерли. Тогда Рост железным тоном приказал:

– Бросаем на счет три – и в машину. Раз, два… Три.

Бросили, ног себе не придавили, и то хорошо. Рванули в кабину.

Уже секунд через двадцать были в креслах. Застегиваясь на ходу, стали подниматься, и тогда ударил первый выстрел. Это был неприцельный, какой-то на редкость непонятный шлепок серого луча со стороны города… Но он позволил их увидеть, потому что они как раз «вылезли» из-за забора, и обращенные вниз зеркала отразили даже эту слабую вспышку.

И тогда началось. Щелчки огня уперлись в темное, низкое небо и слева, и справа от них. Сквозь сцепленные от напряжения зубы Ким пробормотал:

– Ну, если они наши зеркала повредят…

Росту пришло в голову, что зеркала как раз совсем не их, но он опять не стал разочаровывать пилота. Мало ли что, сейчас от его рук и сообразительности зависела их жизнь.

Впрочем, жизнь их еще зависела от меткости пернатых, но так получилось, что те попадания, которые по людям все-таки пришлись, ударили в блины, которые почти ничем нельзя было испортить, и в плотное, довольно крепкое днище. В общем, зеркала лишь зазвенели на эту пальбу, но не рассыпались осколками.

А спустя еще минуту, когда огонь стал по-настоящему массированным, они уже летели в темноте, в стороне от города пернатых, в полной невидимости.

– Кажется, обошлось, – отозвался Ким и улыбнулся. Рост помнил эту его крепкозубую улыбку и любил ее. Он тоже чувствовал себя превосходно, так, что даже обнял Кима за плечи и слегка стукнул от полноты чувств по шлему.

Они победили, снова победили. А Росту так нужна была победа, хоть небольшая, хоть временная, как сейчас… Впрочем, нет, сейчас-то они победили на полную катушку. Пернатые остались с клювом, а человечество…

– Да, нам эта штука нужна, – согласился Ким. Оказывается, свою сентенцию Рост произнес вслух. Не дождавшись ответа, Ким заключил: – Не хотелось бы, конечно, говорить, что это слишком уж гигантский шаг человечества вперед, но… придется. Теперь, Ростик, мы – на коне. Теперь у нас будет энергии – хоть завались. Ну, я имею в виду, когда наши лбы из университета тоже научатся такие зеркала лить.

– Научатся, куда им деваться, – отозвался Рост. – Правда, есть еще зима… Зимой, понимаешь ли, солнышко тут не особенно активно.

– Зимой мы завоюем болота и снова начнем резать торф. Так ведь? – Рост не знал, что на это ответить. Поэтому Ким добавил: – И как все здорово прошло, а? Без сучка без задоринки…

Впрочем, совсем без сучка не получилось. Нагруженные, они шли так медленно, что к рассвету оказались всего лишь в двухстах километрах от обворованного города с мастерами стеклянного литья, и все еще над территорией пернатых. Осознав эту проблему, Рост спросил:

– Слушай, а у них не может быть какой-нибудь семафорной сигнализации? Вдруг они отрезали нам пути к отступлению?

– Ничего, через пару часов мы с их местности окончательно съедем. А там…

Рост подумал.

– Знаешь, иди-ка ты лучше через море. На Одессу. Там и заправимся для последнего броска домой.

– Нам не нужно заправляться, у нас топлива хватит, даже если мы пойдем через море.

– Вот и иди.

– Не понимаю, чего ты перестраховываешься? – удивился Ким. – Впрочем, понятно, работать-то мне, а тебе – только посиживать… Кстати, на берегу тоже сидят наблюдатели, тоже на летающих птичках, и с ними ох как нелегко может получиться.

Но над побережьем их никто не заметил, даже в темноте было понятно – тут никого нет. Словно и не могло быть. Ким хотел уже было прокомментировать эту новость, как вдруг включилось Солнце. И его сарказм по отношению к осторожничающему Ростику испарился. Потому что в бинокль стало видно, что чуть южнее, в стороне границы пернатиков и людей, кружат неисчислимые стаи летающих страусов. Их было столько, что стало понятно, почему Ким на своей лодочке так легко перешел береговой срез. И еще было ясно, даже в темноте без столкновения с ними Ким не прошел бы. Только чокнутый мог рассчитывать, что с грузом зеркал на «спине» и относительно низкой маневренностью их лодки они сумели бы сдержать сотни отчаянных летунов.

– М-да, – промычал Ким, – молодец, Рост. В очередной раз – молодец.

Но Ростик думал иначе.

– Слушай, может, вообще стоило над морем идти, ну, по тому же маршруту, как мы сюда прилетели?

– Да ладно тебе, зеркала мы все равно вывезли – это раз. И два – в живых остались. Может, для тебя это не очень интересно, но для меня значение имеет. – Ким хмыкнул. – Не понимаю, чего ты теперь-то волнуешься? Догнать нас они не сумеют, если не захотят слишком уж глубоко на нашу территорию заходить. А тогда мы укроемся в Одессе… Нет, теперь им нас не достать, тем более что и наши ребята ведь не спят, будет нужно – помогут.

– Они нас видят. Понимаешь, они теперь очень хорошо знают, кто и почему устроил им такой хипиш этой ночью.

– Ну и что?

Рост вздохнул.

– Ничего. Просто теперь может так получиться, что придется снова воевать. Надоело. – Рост подумал и закончил уже совсем «убитым» тоном. – Тем более что они сильны, а мы, кажется, не очень.

Глава 10

На испытания Ростика не пригласили. Просто, наверное, не заметили, что у него тоже есть интерес к попыткам отлить человеческие зеркала, хотя и по технологии пернатых. Чтобы зря не раздражаться, он стал достраивать дом. И строил его так, что даже Любаня, которая в последнее время стала слегка странной, то есть почти не обращала внимания на то, что он думает и как говорит, посоветовала не перенапрягаться. А мама так просто извелась, но по старой врачебной привычке вмешиваться лишь в крайнем случае, когда без нее уже не обойтись, терпеливо щурила глаза и вздыхала.

Если бы дело было только в режимности, Ростик, может быть, и понял бы, хотя и с трудом. Но когда к нему на второй день после их возвращения из засады на столбе явился Поликарп Грузинов, набравший в последнее время недюжинное влияние своими инженерно-техническими достижениями, и попросил как можно подробнее нарисовать, что Ростик запомнил из внешнего вида установки пернатых, всякое дальнейшее игнорирование означало только одно – Рост находится, так сказать, в опале.

С этим ощущением скрепя сердце Рост проковырялся на своей стройке почти неделю, пока к нему не заявился Ким. Он и принес весть, что в общем и целом все получилось.

– Конечно, – рассказывал он, – наши зеркала тяжелее, и отражательная способность у них хуже, потому что металл какой-то темный… Но, согласись, это – не главное. В зеркалах пернатых тоже почти никакого отражения нет, словно в металлический доспех смотришься, а поди ж ты… По нашим замерам, почти две тысячи сто градусов дают.

Ростик присвистнул. Потом решился спросить, как все было. Но рассказ Кима особой информативностью не блистал. По его словам, получалось, что засыпали в какой-то котел кучу оконных и прочих стеклянных осколков, которые по приказу Председателя, оказывается, в последнее время собирали со всего города и сваливали в специальную, застланную камнем яму за городом, чтобы ценный продукт – стекло – не пропадал зря. И правильно, мало ли что еще получится с тем песком, который Казаринов в свое время нашел у Одессы, а тут – свое, родное, еще с Земли. А засыпав, дождались, пока раскочегарится котел, так же, как и стекло, расплавили металл, вылили на перевернутую гравитационную поверхность, и все благополучно застыло.

– Сколько наши всего зеркал отлили?

– Почти двадцать штук. Сделали бы больше, да вот незадача – неизвестно, сколько их нужно.

– То есть?

– Ну, они работают, понятно, на солнышке. А это значит, что подходят только для прерывистого цикла. Например, на паровые котлы электрозавода их не поставишь, там, говорят, требуется или постоянное напряжение на генераторах, или вообще не нужно.

– Так что, опять – не слава богу? – спросил Рост.

– Вроде бы, говорят, нужно искать способ накопления энергии, чтобы его хватало и на ночь. Другого пути нет.

Ростик подумал. Нет, он куда как неловко обращался со своим предвидением, а часто и вовсе побаивался его подключать, но на этот раз у него вышло, он «увидел». Выходило, что нормальную, эффективную технологию накапливания энергии в дневное время суток, чтобы хватило на ночь, они откроют очень не скоро, если это им вообще удастся. А значит… Значит, на эти мечты начальников и инженеров надеяться не стоило.

– Какие еще новости? Как решили развивать наше достижение дальше?

– А ты не смейся. Зеркала все равно – прорыв, и немалый.

– Да я и не спорю. Так что еще все-таки?

– Ну, что еще?.. В Одессу будет отправлено зеркал пять-семь, чтобы Казаринов там тоже не спал, а новые методы опробовал. Решено сделать так, чтобы в решающем эксперименте работа шла независимо, вдруг этот паровозник, – Рост вспомнил, что Казаринов действительно был испытателем паровозов, – до чего-нибудь интересного додумается. И еще я слышал, что направить туда с зеркалами решено тебя.

– Меня? Зачем?

– Может, у них появятся те же сложности, что и у Поликарпа. Тогда ты им тоже что-нибудь нарисуешь, а они… В общем, мне приказано отвезти тебя.

Рост подумал. Может, чтобы Ростик не был случайным передатчиком информации и не нарушил чистоту творческих потуг ребят из Одессы, его и придержали дома, не пустили на испытания? Что же, если не принимать во внимание всего остального – неприязни, интриг и злости на него Белого дома, как и его, Ростиковой злости на начальников, – объяснение вполне подходящее.

– Слушай, а зеркала на машинах повезут?

– Откуда я знаю?

– Если на машинах, нужно придумать что-нибудь, чтобы они не покололись. Кстати, не знаешь, почему они такими легкими оказались?

– Они какие-то пористые выходят. Говорят, что гравитационная волна, которая удерживает металл и стекло куполом над блином, вгоняет в стекло, пока оно не окончательно застыло, воздух, и получается… Кстати, от этого и пар, как мы тогда догадались, вверх поднимается. А, ладно, встретишь Полика, он тебе все и расскажет.

После этого Рост стал ждать нового задания чуть более спокойно. Теперь он знал, что без него все-таки не обойдутся, по крайней мере, пока не планируют обходиться. И конечно, сразу стало больше получаться в строительстве, и легче, и лучше. К тому же, он заметил, все шло более мирно, если Кирлан приносила Ромку.

Кирлан сама ходила в окружении троих как минимум маленьких волосатиков, а иногда к ней со стадиона, где под трибунами бакумуры устроили себе главное общежитие, приходила еще и дополнительная компания. Ребятишки все были симпатичными, горластыми, как и полагалось детям. Но, глядя на них, уже в два года становящихся вполне самостоятельными, и на Ромку, который и в полтора года едва-едва мог переставлять свои ножонки, Рост чувствовал смутную тревогу. Его начинало грызть желание как следует сосредоточиться и понять, вызвав свое предвидение, что же ждет людей в биологическом соревновании с этими крепенькими, здоровыми и очень производительными волосатиками. Но осознанное предвидение не выходило, а самопроизвольного и мощного «прихода» у него уже так давно не было, что он стал думать – и надеяться, – его больше не будет никогда.

Он уже стал заводить дом под крышу, хотя и не с первого раза – уж очень она тяжелой и опасной показалась, нужно было переделывать, – когда вдруг к нему в калитку без стука вошел коротенький, темнолицый паренек в полных доспехах. Только шлем у него был пристегнут к поясному ремню, а так все было на месте. Доспехи поблескивали такой непоцарапанной, такой девственной свежестью, что Рост даже усмехнулся про себя – неужели и он когда-то вот так же ходил, не снимая их, словно стародавний рыцарь. Впрочем, посыльный пришел не просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.